

Калмыц
ЛБ
84/31

С. ЛИПКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГАТЫРЯ ШОВШУРА

ДЕТГИЗ
1.9.60

С. ЛИПКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГАТЫРЯ ШОВШУРА, ПРОЗВАННОГО ЛОТОСОМ

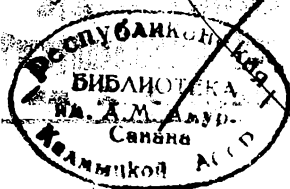
По мотивам калмыцкого народного эпоса

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

84131 — 9
— 1948 —

Рисунки Л. Фейнберга

~~841.1.65~~

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

О ПОРАЖЕНИИ
СВИРЕПОГО ХАНА
ШУЛМУСОВ
ШАРА ГЮРГЮ

КАК ВОЗНИКЛА СТРАНА БУМБА

В золотой век древних богатырей, когда по всей земле свободно кочевали звери, птицы и люди, была, говорят, на востоке страна Бумба, страна бессмертия.

В этой стране вечной жизни обитали люди-великаны. Тот, кто там родился, после двадцати пяти лет уже не старился, навсегда оставаясь двадцатипятилетним. Пришельцы же из других стран, если им было более двадцати пяти лет, навсегда оставались в том возрасте, в каком они пришли в страну Бумбу. Люди жили дружно, сообща владели всем добром, ничего не деля на «мое» и «твое». Их число достигало ста миллионов, и размещались они на пространстве, через которое быстрокрылая птица могла бы перелететь только за сто лет.

Если вы спросите: «Кто защищал страну Бумбу от многочисленных врагов, завистливых и алчных?» — ответим так: «Надежной защитой страны Бумбы, ее оплотом и крепостью были шесть тысяч двенадцать богатырей-исполинов, которые

забывали в сражениях слово «назад» и повторяли в сражениях слово «вперед». Если же вы спросите: «Кто был повелителем Бумбы, страны бессмертия?» — ответим так: «Повелителем страны Бумбы и ее шести тысяч двенадцати богатырей был славный витязь Джангар, одинокий на этой земле сирота».

Когда Джангару было три года, на страну его отца, хана Узюнга, напали свирепые враги — шулмусы. Эти шулмусы походили на людей, но вместо одной головы у каждого было семьдесят голов, а вместо двух рук — семьдесят рук. Над ними ханствовал свирепый Шара Гюргю, поработитель семи надземных держав и повелитель семи подземных держав.

Умертвили шулмусы родителей Джангара, угнали их скот четырех родов и, заковав в цепи, толстые, как колеса телеги, подданных хана Узюнга, загнали народ на горько-соленые земли, к ядовитым рекам.

Сел сиротка Джангар на двухгодовалого рыжего жеребенка и ускакал куда глаза глядят. Скакал он семью семь — сорок девять дней и увидел гору, синюю, как туча, а у подножия горы — золотисто-желтую кибитку. Это была ставка старейшего из людей, могущественного хана Менгэн Шикширги, который родился восемьсот лет назад. Увидав на усталом жеребенке-двухлетке трехгодовалого мальчика, жена Шикширги, мудрая волшебница Зандан-Герел, сказала мужу:

— Возьмем этого мальчугана в дом, пусть он будет другом-побратимом нашему сыну Хонгору.

Не сказал Шикширги «да», не сказал «нет», и Джангар был принят в его дом и стал другом-побратимом маленькому Хонгору.

Прошло два года. Однажды сказала Зандан-Герел своему мужу:

— Мы приняли в дом не простого мальчика. Силою волшебства я узнала, что Джангар — единственный из людей, рожден повелителем Бумбы, страны бессмертия.

Услышав эти слова, Шикширги обнажил свой меч и выбежал во двор, где Джангар и Хонгор играли в бабки. Шикширги занес уже над сироткой свой семидесятисаженный меч, но Хонгор припал к ногам отца, закричав: «Отец, убивая Джангара, убиваете меня!»

Шикширги занес над Джангаром свой семидесятисаженный меч...

Посмотрел Шикширги на сына и медленно опустил свой меч.

Так Хонгор спас Джангара в первый раз.

Стал Шикширги раздумывать, как бы похитрей уничтожить Джангара, и так он решил:

«Прикажу я Джангару угнать сорокатысячный табун соловых коней ясновидца Алтана Цеджи. Как небесный свод, огромен ясеновый лук Алтана Цеджи, как слюна змеи, ядовиты его стрелы — найдет от них гибель этот юнец!»

Сел Джангар на своего рыжего жеребенка и помчался на восток — к владениям Алтана Цеджи. Поскакал жеребенок так быстро, будто брезговал черной землей; поскакал жеребенок так быстро, будто пугался собственной тени. Через сорок и девять дней Джангар, взобравшись на вершину горы, увидел сорокатысячный табун соловых коней. Целые косяки развились на зеленом шелке травы, а между ними, омывая гладкие камни, текли чистые воды нагорных ключей.

Закричал Джангар голосом дикой пустыни, кричал Джангар голосом великой лесной чащи, кричал так, что у оглохшего тигра лопнул желчный пузырь. Кони, перепугавшись, сбились в кучу, и Джангар погнался за ними перед собой.

Увидел его из башни ясновидец Алтан Цеджи и сказал:

— Это, наверно, юный витязь Джангар, которому исполнилось пять лет. Если бы он прибыл сюда через два года, семилетним, то он бы меня победил, но теперь должен победить я.

С этими словами сел Алтан Цеджи на коня, держа в руках свой прославленный ясеновый лук. Через четыре дня Алтан Цеджи догнал Джангара. Полетела ядовитая стрела, взвизгнула и со свистом вошла в лопатку юного всадника. Мальчик припал в беспамятстве к мягкой рыжей гриве жеребенка. Поскакал жеребенок так быстро, что дыхание его надвое делило траву, и на другое утро свалил свою ношу около ставки Шикширги. Рассердился Шикширги.

— Изрубите это отродье Узюнга, искрошите его кости! — так приказал он жене, а сам поспешил навстречу табуну.

Когда же ханша Зандан-Герел собралась убить раненого приемыша, Хонгор бросился к ногам матери.

— Мать, убейте и меня с Джангаром! — кричал он. —

А не хотите убить меня — переступите три раза через Джангара, и стрела сама выпадет из его лопатки!

Переступила мудрая волшебница Зандан-Герел трижды через Джангара, и сама собою стрела вышла из его лопатки. Сразу же Джангар был исцелен.

Так Хонгор спас Джангара во второй раз.

Запели мальчики песню дружбы, сели на своих коней и отправились на поиски Шикширги. И нашли его как раз тогда, когда он лежал связанный путами, а его коня уводил ясновидец Алтан Цеджи. Заметив мальчиков, Алтан Цеджи сказал:

— Ну, ежели Джангар и Хонгор побратались, справиться с ними никто не сумеет. Надо сдаваться.

Слез он с коня, развязал Шикширги и, когда мальчики приблизились к ним, произнес такие слова:

— Слушайте, Хонгор и Шикширги! Вам и мне, и другим богатырям, и всем племенам нашим нужно стать подданными витязя Джангара, повелителя Бумбы, страны бессмертия. Вижу я, заглядывая вперед:

Витязь Джангар — счастье племен,
Стран подлунных — сладостный сон.
Только семи он достигнет лет, —
Тучи врагов раздавит он,
Имя свое прославит он,
Силой своей удивит он свет.
Мне поручит он возглавлять
Правую сторону богатырей.
Будет Хонгор ваш возглавлять
Левую сторону богатырей.
Будут люди нетленны тогда,
И деянья вселенной тогда
Воссияют из рода в род.
И в золотом совершенстве тогда,
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ.

Когда замолчал вещий голос ясновидца Алтана Цеджи, Хонгор обнажил свой восьмидесятисаженный меч, подбежал к сандалу, одиноко растущему в степи, и рассек его одним

взмахом меча. И обтесал он свежую колоду и высек из нее престол.

Потом усадил он Джангара на этот престол и сказал:

— Ты, зеленоликая земля, слушай мои слова! Ты, синее небо, слушай мои слова! Клянусь я славному Джангару в вечной верности, буду я крепостью его страны, буду я знаменем его богатырей! Целую на том свой меч!

И тогда подошел к Джангару Алтан Цеджи, а за ним Шикширги, и оба поклялись ему на своих мечах в верности.

Услышав, что мудрейший из людей — Алтан Цеджи и старейший из людей — Шикширги со своим сыном Хонгором объявили себя подданными Джангара, богатыри со всех концов земли стали стекаться к нему со своими племенами.

Когда богатырей собралось шесть тысяч двенадцать, Джангар соединил все племена воедино и повел их на шулмусов — поработителей своей страны. Много подвигов совершили богатыри, но никто из них не мог сравниться с Хонгором. Как лев, он врывался в гущу врагов, и никто не уходил живым от него. Был он всегда впереди наступающей рати и всегда позади отступающей рати. И тогда-то прозвали его «Алый Лев».

В страхе бежали враги, семидесятирукие шулмусы, бежали на дно седьмой бездны, а богатыри завоевали столько земли, сколько может облететь быстрокрылая птица за сто лет. Освободил Джангар подданных своего отца, и они зажили в согласии и в мире со всеми племенами.

Когда утвердились в стране Бумбе мир и согласие, довольство и изобилие, богатыри порешили:

— Построим Джангару такой дворец, которому нет равного под солнцем!

Созвали тогда богатыри со всех стран света мастеров, делающих чудеса, и, собрав их в единый круг, приказали:

— Постройте Джангару дворец на берегу океана, в тени неувядаемых тополей, посредине двенадцати рек, чуть-чуть северней лучей восходящего солнца, и да будет этот дворец высотой до самого неба!

Но ясновидец Алтан Цеджи сказал:

— Нельзя строить дворец до самого неба. Это пустая затея. Нужно построить дворец на три пальца ниже неба!

Принялись мастера за дело и вскоре построили такой дворец, которому не было равного под солнцем. Издалека светился он, как степное марево, красуясь посреди широкой степи, как чудесная картина, и краски менялись на глазах у людей.

Пять башен было у него, и каждый купол башни изнутри горел редкими раковинами цвета восхода солнца, а снаружи был одет камнем цвета пламени. На камне было вытиснено семьдесят тысяч орлов. Правая стена была покрыта резьбой: мчались наперегонки тушкан и олень; левая стена была покрыта резьбой: гиена вступила в битву с барсом.

Стены дворца, сделанные из тополя и золота, были обнесены золотым забором из восьми тысяч створок. Ограда изображала все шесть тысяч двенадцать богатырей во главе с непобедимым Хонгором. Изобразили богатырей так: каждый держал рукоять меча, грозные лезвия были чуть-чуть обнажены, выступали из ножен на вершок — казалось, что богатыри приготавлились к бою. На расстоянии выстрела от дворца был перекинут через реку золотой мост, от которого вела коралловая дорожка к главным воротам. Около этих золотых, несказанной красоты ворот было воткнуто в землю древко, на котором развевалось знамя, красное вечером и желтое поутру. Когда знамя находилось в чехле, оно было подобно солнцу; когда же оно обнажалось, то затмевало семь ослепительных солнц.

Семью кругами располагались богатыри в ставке повелителя Бумбы. Кроме того, отдельными кругами сидели седовласые старики, и красноликие важные старухи, и румяные девушки, и прекрасные, нарядные жены.

В самой середине дворца сидел витязь Джангар. Его глаза были подобны глазам нападающего кречета. Тому, кто смотрел на него сбоку, он казался круглой луной, какая бывает в пятнадцатую ночь месяца; тому, кто смотрел на него спереди, он казался львом, готовым напасть на свою добычу; тому, кто смотрел на него сзади, он казался гибким, как сандал. На его спину спускалась коса, которую расчесывали двадцать женщин. Она прикрывала мощные мышцы спины, между которы-

ми мог бы пройти верблюд. Черные кудри, отпущенные в прошлом году и подстриженные в нынешнем году, ниспадали на уши завитками. Усы его чернели, как два орлиных крыла.

Был у Джангара рыжий конь. Звался конь Аранзалом. Не раз спасал он жизнь своему господину. Стал он мечтою семи подземных держав. Шея у него была лебяжья, грудь равна Алтаю, грива подобна мягкой речной траве, уши словно резные ручки кувшина. Жемчужный хвост его достигал восьмидесяти саженей. Копыта его несли гибель врагам. Так о нем пели:

Аранзал в крестце собрал
Всю грозную красоту свою.
Аранзал в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою.
Аранзал в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою.

По правую руку Джангара, возглавляя правый полукруг богатырей, сидел ясновидец Алтан Цеджи, которому было открыто все, что произойдет на земле на девяносто и девять лет вперед, и все, что произошло на земле девяносто и девять лет назад.

За ним восседал Савар Тяжелорукий, сильнейший из людей мира. Савар был так силен, что прикосновением одного только пальца правой руки сбрасывал он с коня любого богатыря, а бурый конь его был так силен, что мог дважды обойти вселенную, не становясь на отдых.

Семнадцать славнейших богатырей восседали на правом крыле дворца.

По левую руку Джангара, возглавляя левый полукруг богатырей, восседал Хонгор, Алый Лев, лучший из людей мира. За ним восседал Гюзан Гюмбэ, повелитель сновидений. Вороной конь его был подобен слону, сам он был подобен горе. Когда сидел он свободно, занимал места сорока человек; когда же он сидел стесненно, то занимал места двадцати человек.

Семнадцать славнейших богатырей восседали на левом крыле дворца.

Между этими двумя полукругами возвышался златоуст Ке Джилган, повелитель красноречия. Речь его была так сладка,

что при звуках его голоса кукушки переставали куковать, жаворонки — петь, пчелы — жужжать.

Рядом с ним восседал первый красавец мира — Мингйан. Он был так прекрасен, что солнце стыдилось при нем появляться на небе. Джангар возвел его в сан Запевалы. Мингйан знал тайну каждого звука. Стоило ему к своим нежным губам приложить свирель, как рождались новые, неведомые людям песни. Затаив дыхание слушали Мингйана жители благодатной Бумбы, но всех милей была им песня о родной стране:

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где не известна зима, где всегда весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласные и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где не известна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где не известна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

КАК БОГАТЫРИ ПОКИНУЛИ СТРАНУ БУМБУ

Однажды шло пирование во дворце Джангара. Богатыри Бумбы вернулись недавно с поля битвы и праздновали победу над врагом. Поднялся с места глава правого полукруга богатырей, ясновидец Алтан Цеджи, встал и глава левого полукруга Хонгор, Алый Лев, поднялись все воины и произнесли слова богатырской присяги:

— Жизни свои острию копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим;
Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы;
Груди свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим нашу кровь до конца;
Верными Бумбе, едиными будем вовек
И на земле будем жить, как один человек;

Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать,
И да не будет коня у него, чтоб не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог;
Да никогда никому бы страшна не была
Сила железа, каленного добела;
И да не будет страшна никому никогда
Рассвирепевшего океана вода;
И да не сыщется никогда силача,
Что убоился бы ледяного меча;
И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы!

Началось веселое пиршество. Один только витязь Джангар был мрачен на этом пиру. Не притронулся он к яствам, в которых сочеталось восемь различных вкусов, не испил он буйной, хмельной араки¹. Тогда спросил глава правого полукруга, ясновидец Алтан Цеджи:

— Мой великий повелитель Джангар, почему вы так печальны? Разве ополчился на нас могучий враг? Разве предатель замыслил измену? Поведайте, Джангар, свои мудрые мысли богатырям!

Ничего не ответил Джангар.

Тогда спросил глава левого полукруга Хонгор, Алый Лев:

— Мой великий брат Джангар, почему вы так печальны? Может быть, ваш рыжий скакун Аранзал стал недостаточно быстроногим? Может быть, ваше золотое копье стало недостаточно метким? Может быть, ваш девятирусный многоцветный дворец стал недостаточно пышным? Может быть, ваше сорокаханное государство стало недостаточно великим? Поделитесь вашими мудрыми думами с нами!

Но и Хонгору ничего не ответил витязь Джангар.

Тогда поднялся златоуст Ке Джилган, повелитель красноречия. Он открыл свои золотые уста, и полилась сладкая речь:

— Джангар, мой друг, мой владыка, мой брат, мой герой!
Выситесь вы над миром священной горой!

¹ А р а к á — дважды перегнанный кумыс.

Так почему же печальны вы ныне, мой брат?
Так почему же в таком вы унынье, мой брат?
О богатыри! Владыками Желтой реки
Некогда, помните, вызван был я на спор.
Суд оправдал меня, клевете вопреки.
Был мне тогда наградой ваш приговор:
«Выполню я тридцать три пожеланья твои,
И тридцать три я прошу злодеянья твои».
Был бедняком — не просил я как будто у вас,
Был сиротой — не искал я приюта у вас.
С просьбой теперь обращаюсь я в первый раз:
Всем расскажите о вашей печали сейчас!

Ничего не ответил Джангар и на эту сладкую речь. Рассердился златоуст Ке Джилган, крикнул он:

— Если ты вздумал, Джангар, кичиться перед нами своей славой, то Хонгор славней тебя! Если ты вздумал кичиться перед нами своей красотой, то Мингйан красивее тебя! Если ты вздумал кичиться перед нами своей силой, то Савар Тяжелорукий сильнее тебя! Если же ты вздумал кичиться своей мудростью, то Алтан Цеджи мудрее тебя! Все мы такие же ханские дети, как ты!

С этими словами вышел разгневанный Ке Джилган из дворца, хлопнув всеми четырнадцатью дверьми. Вслед за ним удалились и остальные богатыри. Рассердились они на Джангара за его гордое молчание.

Один только Хонгор не покинул Джангара. Медленно поднял на него Джангар свои зоркие глаза и сказал:

— Слушай, брат мой Хонгор! Видел я сон: явилась мне во сне девушка несказанной красоты и молвила: «Витязь Джангар, должны вы покинуть страну Бумбу и забыть о ней. Должны вы расстаться с вашими богатырями и забыть о них. Много бедствий испытает ваша держава, но станет потом еще могущественней. Немало горя испытает ваш народ, но станет потом еще счастливей». Так сказала она и исчезла. И вот, мой Хонгор, ради счастья народа, ради величия державы решил я покинуть Бумбу, решил я расстаться с богатырями. Не хватило у меня силы, чтобы поведать об этом славным вои-

нам, говорю одному тебе. Не знаю, на скате какой горы суждено высохнуть горстке моих костей, пролиться чаше моей крови. Стань же до моего возвращения повелителем Бумбы, главою шести тысяч двенадцати богатырей!

Проливая слезы, простились побратимы. С легкостью искры взлетел Джангар на Аранзала, и помчался витязь, задевая своим золотым копьем белое облако. Переправился Джангар через семьдесят рек и видит: едет ему навстречу Алтан Цеджи, а за ним семнадцать славнейших богатырей правого полукруга.

Снял ясновидец золотой шлем и сказал:

— Остановись, Джангар! Вы пожалели мне вздоха надменных уст — вот почему я, во-первых, в обиде на вас; вы поставили надо мной Хонгора, мне равного, — вот почему я, во-вторых, в обиде на вас; в-третьих, скажу вам так: если вы покидаете Бумбу, то и мы ее покидаем.

Ничего не ответил Джангар и поехал дальше. Перевалив семьдесят гор, он встретил Гюзана Гюмбе и скачущих за ним семнадцать богатырей левого полукруга. Сказал Гюзан Гюмбе те же слова, что и Алтан Цеджи, но и ему ничего не ответил Джангар, а поскакал дальше — повыше коленчатого ковыля, пониже синего неба — неизвестно куда.

КАК ШУЛМУСЫ ОБЪЯВИЛИ ПОХОД НА СТРАНУ БУМБУ

Весть о том, что Джангар покинул Бумбу, что покинули ее, поссорясь с ним, самые сильные богатыри, что один только Хонгор, Алый Лев, остался на страже Бумбы, распространилась по всей земле. Проникла она и в подземные ханства и достигла ушей повелителя шулмусов, свирепого Шара Гюргю.

Воскликнул Шара Гюргю:

— Хочу я эту страну бессмертия сделать мертвой! Хочу я этих счастливых детей превратить в сирот!

И отправил Шара Гюргю в страну Бумбу первого разведчика, такого старого шулмуса, что все его семьдесят голов были лысыми. Через семью семь — сорок девять дней вернулся первый разведчик и сказал:

— О свирепый Шара Гюргю, воистину прекрасна страна Бумба! Окружают ее высокие горы без скатов-увалов, без проходов-перевалов, и выросли они в один день. Белеют семьдесят снеговых утесов, темнеют пятьдесят черных зарослей кустарников. Веселые лесные чащи покрывают горы. Вот это воистину благодатный край! Сандалы и дубы растут рядом, и нет, говорят, имени и числа другим прекрасным деревьям. Ковыль и полынь растут рядом и так густо, что иголки нельзя воткнуть между травинками. Распускаются, переплетаясь и волнуясь, синие, желтые и красные цветы. Шумят и поют звонкоголосые птицы — жаворонки семидесяти родов. Жужжа, взлетают таинственные золотые пчелы. На пастбищах догоняют друг друга шестидесяти мастей антилопы. А если говорить о конях, то восемь раз считали их и восемь раз теряли им счет. Звенит их веселое ржание, и, когда они перекликаются на древнем лошадином языке, их голоса подобны голосам лебедей. А если говорить о верблюдах, то они красные и желтые и каждый величиной с гору. А если говорить о коровах, то они красные и заполняют собой восемь степных равнин и восемь горных ущелий. Четырехлетние быки и коровы бегают по ложбинам и оврагам. А двухлетки и малые телята резвятся у речных излучин. А если говорить об овцах, то они белые, как раковины. Их пастбища занимают тринадцать гор. Целое племя караулит их. Много лет прошло уже с той поры, как им счет потеряли! Кони, коровы, овцы, верблюды — вот это скот четырех родов, о котором нельзя сказать, как много его. Стал я считать и со счету сбился: состарился у тебя на службе, ослабел разумом. Ты пошли в страну Бумбу другого разведчика, помоложе!

Отправил Шара Гюргю в страну Бумбу второго разведчика. Это был совсем молодой шулмус, все семьдесят лбов его были в ссадинах от недавних драк. Через семью семь — сорок девять дней вернулся второй разведчик. Вошел он в огромную кибитку Шара Гюргю, которую стерегли бессонные барс и гиена, пал ниц перед ханом Шара Гюргю и сказал:

— Доложу тебе, о свирепый Шара Гюргю, об океане Бумбы. Вся страна, все леса и горы отражаются в океане, которому нет границ. Восемьдесят морей, шумя, впадают в него. Текут

к этим морям, кипя и пенясь, сто великих рек, которым дали имена. Нельзя сосчитать, сколько течет, крутятся и сливаясь, безымянных рек и ключей. Вот каковы их чистые воды: они исцеляют от всех болезней, восемь разных вкусов сочетаются в них. Океан Бумбы так широк, что орленок, перелетев через него, превращается в седого, дряхлого орла. Каждое утро выбрасывает океан на свои бесконечные золотые берега драгоценные волшебные камни, исполняющие все человеческие желания. Те, кто пьет из него, становятся бессмертными и вечно юными. Берега океана всегда покрыты зеленой травой. Нежные ветерки раскачивают эту траву, и она звенит на восемьдесят разных ладов; она поет о стране Бумбе:

Обетованная эта страна,
Сорокаханная эта страна,
Смерть никогда не вступала туда,
Люди не знали там никогда
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать.
Ветер слабее дыхания там,
Дождь — благоухание там!

Долго слушал я эту песню, но сокровенного смысла ее не понял: молод еще я, не успел на твоей службе разума набраться.

Едва кончил второй разведчик рассказ, как стукнул Шара Гюргю всеми семьюдесятью лапами по престолу и крикнул:

— Объявляю поход на страну Бумбу!

КАК СТРАНОЙ БУМБОЙ ЗАВЛАДЕЛИ ШУЛМУСЫ

Повелел Шара Гюргю готовиться к походу. Объявил он великий сбор, и собралась великая шулмусская рать. Объявил он средний сбор, и собралась средняя рать. Объявил он малый сбор, и собралась малая рать. Двинулись полчища вверх, выбрались на зеленый покров земли и пошли на страну Бумбу.

Бесконечна зеленая степь, а не хватило травы для их коней. Полноводны неисчислимы реки, а не хватило войнам воды. Так велико было войско шулмусов!

Вскоре вступили они во владения Бумбы. Начались неслыханные бедствия. Убивали шулмусы людей, уводили скот, разрушили дворец Алтана Цеджи, сровняли с землей башню Гюзана Гюмбе и ставку первого красавца Вселенной Мингяна.

Только через девять дней узнал Хонгор об их злодеяниях—так обширна была страна Бумба. Заклокотало его львиное сердце, задрожал его ясный ум. Собрал он кузнецов и приказал им построить вокруг дворца Джангара крепость из черной закаленной стали. Работали кузнецы не смыкая глаз и за три дня воздвигли крепость из черной закаленной стали.

В ушах стоял еще шум последнего удара молота, когда шулмусы оцепили дворец Джангара. Заколыхались, как камыши, древки знамен, ошетинился могучий лес железных пик.

Достал Хонгор свой дальнобойный лук, натянул две тетивы и выпустил разом семьдесят стрел. Полетели стрелы стаями, и семьдесят шулмусов пали замертво. Натянул тогда Шара Гюргю свой лук и пустил стрелу в Хонгора. Полетела стрела, взвизгнула, засвистела и впилась в правую руку Хонгора, пробила ее насквозь.

Узнав, что Хонгор ранен, его драгоценный конь Оцол Кеке поскакал к его матери, к мудрой Зандан-Герел. Решил он: уж если Хонгора нельзя спасти, то хотя бы мать его спасет от неминуемой смерти. Прискакал он и видит: вместо дворца — развалины, мечется Зандан-Герел, ищет норы, чтобы зарыться в нее, ищет куста, чтобы спрятаться за ним. Обрадовалась она, увидев Оцола Кеке, подбежала к нему, обняла за шею. Но потом поклонилась четырем копытам коня и сказала:

— Есть еще на свете много таких женщин, как я, но нет на свете такого богатыря, как Хонгор! Его нужно спасти, а не меня, ибо, спасая его, ты и меня спасешь и весь наш народ. Скажи же к своему славному всаднику!

Прибежал Оцол Кеке назад и видит: Хонгор, обнажив свой восьмидесятисаженный меч, напал на среднее войско. Не сплошь, а с выбором снимал он вражеские головы: обезглавливая спесивую знать, щадил он подневольных бедняков.

Великое множество шулмусов уничтожил Хонгор, великим был он воином, но дабно сказано: «Лучший воин всех времен—единение племен», а Хонгор был один, его покинули богатыри

Бумбы. Напал на него свирепый Шара Гюргю, окружили Хонгора со всех сторон шулмусские военачальники, пронзили его десять тысяч мечей, впилося в него двадцать тысяч стрел.

Серый туман покрыл его мудрость, упал он, распластав на все четыре стороны свои руки и ноги.

Крикнул свирепый хан Шара Гюргю:

— Пусть закуют его в цепи толщиной с человечье туловище! Пусть одиннадцать тысяч шулмусов бьют его одиннадцать тысяч раз в сутки плетеной кожей! Пусть одиннадцать тысяч шулмусов сверлят его одиннадцать тысяч раз в сутки каленым железом! Да будет он брошен в огненное море, где сварятся его кости!

Привязали закованного Хонгора вниз головой к хвосту коня. Поскакал вражеский конь быстрее ветра. От частых ударов о каменные глыбы впал Хонгор в беспамятство.

Тащил его конь лесами, — летели над Хонгором целые стаи лесных птиц. Лишились они дара песен, только протяжно рыдали, оплакивая богатыря.

Тащил его конь горами, — со всех сторон сбегались когтистые звери, неведомые людям, и, жалобно воя, следовали за Хонгором.

Тащил его конь морями, — на каждой мели собирались морские рыбы и подолгу, пока он не скрывался из виду, глядели на Хонгора своими выпученными глазами.

Тащил его конь степями, — ковыли вытягивали стебли, чтобы взглянуть на него, и печально звенела трава.

Вскоре достиг конь темной ямы, которая доходила до седьмого дна земли. Опустил скакун свой хвост в отверстие ямы, встряхнулся, сбросил Хонгора в преисподнюю и возвратился к шулмусскому войску.

Завладели шулмусы неисчислимым скотом четырех родов и угнали его. Погнали они по семи дорогам весь народ Бумбы на берега соленых и ядовитых рек, покрытые поблекшими корневищами редких сухих ковылей. В цепь заковали жен и матерей, не щадя сирот и грудных младенцев, и погнали их, как скотину. Разорили они добро Бумбы, разрушили ее дворцы и башни, иссушили ее океан, ее моря и реки. Страна бессмертия стала мертвой пустыней.

КАК РОДИЛСЯ У ДЖАНГАРА СЫН ШОВШУР

А в это время витязь Джангар, не зная о беде, постигшей Бумбу, скитался по неведомым странам. Так долго скитался он, что у его рыжего Аранзала не стало жира толщиной и с лезвие меча. Так долго скитался он, что забыл самого себя. Забыл он, что у него есть страна Бумба, забыл он, что есть у него друг Хонгор, даже имени своего не помнил он теперь!

Однажды Джангар ехал вдоль подножия неведомой людям горы. Ночь была такая темная, что не видно было земли под копытами коня. Вдруг почувствовал Джангар, что конь его сворачивает за гору, и ослепительный свет блеснул ему в глаза.

Повернул Джангар голову направо—увидел зеленый берег реки, и так было светло, что можно было сосчитать всех коней, пасущихся на лугу, всех рыбок, плывущих по дну реки. Повернул Джангар голову налево — и увидел он коней на зеленом пастбище, увидел он мелких рыбок на дне реки. Посмотрел тогда Джангар вперед—и увидел такую прекрасную башню, что описание ее могло бы стать излюбленным чтением двенадцати народов. В окне башни сидела девушка. Понял Джангар: свет, блеснувший ему в глаза, излучала ее красота. Была она румяна, как заходящее солнце; была она нежна, как видение при лунном луче; была она прозрачна, как золотое стекло луны.

Всадник подъехал к окну башни и молвил почтительно:

— Мир тебе, красавица! Кто твой отец, из какого ты рода, как твое имя?

— Я Шавдал, дочь ученейшего Гюши-Замба-хана, — отвечала девушка. — Отец обещал шулмусскому хану Ман-хану выдать меня за его сына Цагана, и, если никто не спасет меня, должна я буду стать женой семидесятиглавого чудовища!

— Если хочешь, — сказал Джангар, — соединим наши будущие дни. Одной искре не стать пожаром, одному человеку не быть счастливым.

Шавдал согласилась.

Проник Джангар в башню, взял девушку на руки, посадил ее на коня, и помчался Аранзал, опережая ветер на две сажени, опережая мысль на сажень.

Прибыли всадники к озеру, которое бронзой горело в кругу зеленых лугов, и воздвигли башню из белого камня в тени тополей. Женился Джангар на Шавдал, стали они товарищами и друзьями, стали они ждать ребенка.

Однажды, увидав, что светит девятая луна, мальчик решил: «Пора уже мне появиться на свет!» Так родился у Джангара сын. Родители назвали его Шовшуром.

На третий день новорожденный сел уже на коня и поскакал на охоту, добыл множество всякой дичи и шкур.

С этой поры стал он кормить родителей своей охотой.

КАК ШОВШУР ВСТРЕТИЛ БОГАТЫРЕЙ БУМБЫ

Однажды, когда Шовшuru было уже три года, он выехал на охоту. Вдруг заметил он издали тонкую красную полосу пыли, упиравшуюся в небо. Поскакал Шовшур на быстром Аранзале и выехал на открытую поляну. Увидел он семнадцать седельных луков и крепко привязанных к ним семнадцать коней. Самым сильным из коней показался ему черный, как наружное дно котла, жеребец, чьи копыта были похожи на лапы слона.

«Верно, конь самого предводителя дружины», — подумал Шовшур и видит: в тени этого скакуна дремлют воины; семнадцать человек насчитал Шовшур. Один из них был так широк, что смог бы занять места двадцати богатырей, если бы сел стесненно, и места сорока богатырей, если бы сел свободно.

«Видимо, это и есть начальник», — подумал Шовшур. И он не ошибся: то был Гюзан Гюмбе, славный воин Джангара.

Взглянул Гюзан Гюмбе на рыжего коня — сразу узнал Аранзала. Взглянул на мальчика и подумал: «Что это за шулмусское семя сидит на Аранзале? Как этот мальчик завладел конем повелителя Бумбы?» И спросил Гюзан Гюмбе:

— Чей ты сын? Житель какой державы?

Отвечал Шовшур:

— Право, сказать не могу я, мой господин,
И ни того, каких я родителей сын,
И ни того, как зовется мой край родной.

В дикой пустыне живу, а вместе со мной —
Мать и отец. Живем, выходит, троим...
А теперь об отряде скажите своем:
Что вы за люди? Кто вам приятель, кто враг?
И почему ваши кони заезжены так?

Подумал Гюзан Гюмбе: «Речь его звонкая, верная! Нет, это не шулмусское семя!» — и сказал, скрыв истину:

— Мы воины Зандан-хана, едем обратно к себе с доброю данью, взятой у владыки одного дальнего ханства... Ах, маленький ты мой охотник, вот возьми, отвези отцу наш подарок!

И подарил он Шовшуру одного жеребенка.

Поздно вечером возвратился Шовшур домой. Вышел отец на порог, увидел сына и сказал:

— Поглядите, люди, как дурной сын позорит честное имя своего отца! Для того ли породил я тебя, чтобы ты у бедных людей воровал жеребят?

Схватил Джангар мальчика за железный подол кольчуги и завертел его, держа вверх ногами. Стукнулся мальчик тридцать раз головою о землю, но слова не молвил юный охотник; надел свалившийся медный шлем, напоил Аранзала, поставил его на приколе и лег спать.

На другое утро Шовшур снова выехал на охоту. Опять заметил он издали полосу пыли, упиравшуюся в небо, опять, подъехав к ней, он увидел на поляне семнадцать седельных луков и крепко привязанных к ним семнадцать коней.

Всех превосходил своей красотой могучий буланый конь с мягкой, как у зайца, спиною. В тени буланого скакуна дремало семнадцать бойцов. Был между ними величавый седобородый старик. Мальчик решил, что он возглавляет дружину. Это был ясновидец Алтан Цеджи, мудрейший из людей Бумбы.

Взглянул Алтан Цеджи на коня — сразу же признал Аранзала. Взглянул на трехгодовалого всадника и подумал: «Что это за шулмусское семя? Как завладел этот мальчик Аранзалом?»

Спросил богатырь:

— Чей ты сын, мальчик? Из какой ты державы?

Так отвечал Шовшур:

— Право, сказать не могу я, мой господин,
И ни того, каких я родителей сын,
И ни того, в какой живу я стране...
Бедно живу я, а мать и отец — при мне.

Рассмеялся Алтан Цеджи. «Не сын ли это нашего пропавшего без вести витязя Джангара?» — подумал он.

— Маленький ты мой охотник, — сказал ясновидец, — на тебе, отвези отцу наш подарок.

И отдал он Шовшуру синюю стальную стрелу.

Поздно ночью возвратился Шовшур домой. Вышел отец в степную тьму встречать сына. Шовшур молча подал ему стрелу.

Взглянул Джангар на стрелу и задрожал, будто эта стрела пронзила его. Он увидел на стреле знак родимой Бумбы — цветок лотоса. Вспомнил Джангар свою милую, щедрую землю, вспомнил Джангар свой несметный, могучий народ, вспомнил Джангар своих отважных богатырей, вспомнил Джангар своего Хонгора, силу и славу Бумбы, — вспомнил и заплакал счастливыми слезами.

— Сынок мой Шовшур, кто тебе дал вчера жеребенка? — спросил Джангар.

Мальчик рассказал отцу о своей встрече с первой дружиной.

— А каков был собою богатырь, подаривший тебе жеребенка? — спросил Джангар.

Мальчик ответил:

— Я бы не назвал его властелином державы. Видимо, он находился в подчинении у одного из владык земли. Но про себя подумал я так:

«Ежели в спор с владыкою вступит он, —

Даже владыке ни в чем не уступит он!»

— Кто же тебя, мой мальчик, наградил сегодня стрелой? — спросил Джангар.

Рассказал Шовшур о своей встрече со второй дружиной.

— А каков был собою богатырь, подаривший тебе стрелу? — спросил Джангар.

Мальчик ответил:

— И его бы я не назвал властелином. Скорее всего, он воин одного из владык земли. Но и о нем я подумал:

«Ежели в спор с владыкою вступит он, —
Даже владыке ни в чем не уступит он!»

Обнял Джангар Шовшура и сказал ему:

— Это моих богатырей ты встретил, мой мальчик! Я — Джангар, повелитель Бумбы, страны бессмертия. Так велика была страна моя, что быстрокрылая птица могла перелететь через нее только за сто лет. Сорок народов благоденствовало под моей властью. Шесть тысяч двенадцать богатырей подчинялись мне. Хонгор, великий Хонгор — сила и слава моего народа — был мне другом. Был я сновидением семи подземных держав, был я мечтою семи надземных держав. Но чтобы страна моя стала еще более могущественной, я покинул ее. Чтобы народ мой стал еще более счастливым, я расстался с ним. Чтобы найти тебя, драгоценный Шовшур, я оставил Хонгора, Алога Льва, и это самая горькая моя утрата.

— Кто же этот Хонгор, имя которого у вас поминается через каждые два слова? — спросил Шовшур, в чьем сердце уже закипала обида.

Джангар ответил так:

— О мой Шовшур, отрада моя из отрад!
Стану считать я семеро суток подряд —
Не перечислю я Хонгора достоинства все!
Что перед ним хваленые воинства все!
Был я бездомным — был он моим шатром,
Был бедняком я — был он моим добром,
Края родного живой он крепостью был,
Лаской моей и моей свирепостью был,
Был он гонителем всех осужденных мной,
Был победителем всех побежденных мной...

И половины похвал не успел досказать Джангар, как вдруг скакун Аранзал громкозвучно проржал семьдесят раз:

— Ежели ты, человек, еще не соскучился по родной стране, то я, рыжий конь, уже затосковал по Бумбе!

Задрожал Джангар, услышав коня, оседлал он его быстро, надел стальную броню, сел на седло и сказал Шовшуру:

— Видишь вдали перевал, подобный радуге? За ним владения Гюши-Замба-хана, отца твоей матери. Отвези ее туда,

а потом скачи в страну Бумбу. Помни, мой мальчик: от отца рождается сын, чтобы стать надежной опорой родине.

Распростился Джангар со своим сыном и помчался на Аранзале в милую Бумбу.

КАК ДЖАНГАР, А ВСЛЕД ЕМУ И ШОВШУР ПРИЕХАЛИ В СТРАНУ БУМБУ

Скакун Аранзал бежал, наслаждаясь бегом своим, ибо много лет провел он стреноженным, на приколе, давно не топтал он землю неведомых стран.

Вскоре возрадовалась душа витязя Джангара — прибыл он к рубежам родной земли. «Сейчас, — думает, — увижу я дворец Хонгора». Но что это? Неужели ослепли глаза его? Там, где возвышался дворец Хонгора, выросла жесткая, редкая белена. Поспешил Джангар к своему девятиярусному дворцу, но только стебли коленчатого ковыля увидел он. Поскакал к берегу своего океана, — огромная впадина, безводная и бестравная, разверзлась перед ним. Оглянулся всадник — ни конца, ни края нет степи. Хотя бы суслик пробежал, хотя бы сиротка заплакал! Но нет, не слышать ни звериной, ни человеческой молвы.

«Был же я некогда повелителем целой страны, была же эта страна немалой державой, были же люди в ней, — и ни единой от них не осталось души? Что-то не верится мне. Пойду на розыск человека, чтобы слово сказать!»

Спешился Джангар, пошел по стране, держа коня в поводу. Все было тихо вокруг, одна только белена, одна только лебеда... Вдруг видит он — клубится дым из какой-то лачуги. Подходит Джангар и спрашивает:

— Есть ли живая душа здесь, чтобы слово сказать?

Вышел из лачуги древний старик, посмотрел на пришельца и сказал:

— Видимо, вернулся круглый сирота Джангар? Видимо, прискакал его рыжий конь Аранзал?

— Дедушка, чья это страна? — спросил Джангар.

— Некогда это была Бумба, страна вечной жизни. Когда же ты, Джангар, покинул ее, когда разбрелись по свету ее славнейшие богатыри, напал на Бумбу с семью миллионами войска

свирепый шулмусский хан Шара Гюргю. Поселили шулмусы твой народ между двух рек, между горько-соленой рекой и ядовитой рекой, на побелевших корневищах редких сухих ковылей. Иссошили шулмусы океан Бумбы, угнали скот Бумбы, опозорили имя Бумбы. А твоего Хонгора, Алого Льва, бросили в огненное море, в седьмую преисподнюю земли. А я живу у края той самой пропасти, в которую его бросили.

— Дедушка, постерегите моего коня, — сказал Джангар и, достав два шеста, полез в пропасть.

Там, где пошире, опираясь на два шеста, там, где поуже, опираясь на один шест, стал спускаться Джангар на седьмое дно земли...

Прошли сутки, прошли вторые, прошли третьи — прибыл Шовшур на подаренном жеребеночке в державу своего отца. Долго скакал он по листьям желтой травы, а слова сказать было не с кем: бездомной собаки не видел, бесприютного мальчика не встречал. Вдруг замечает он издали острие золотого копья. Подъехал к нему — увидел Аранзала у коновязи.

— Если здесь человек живет, пускай он отпустит повод моего коня! — крикнул Шовшур.

Вышел седобородый старик и сказал:

— Живет-то здесь человек, а повода я не отпущу, пока не возвратится хозяин коня.

— Старец почтенный, — взмолился Шовшур, — отпустите повод Аранзала! Я пойду по следам паука, ползавшего десять лет назад, пойду по следам змеи, ползавшей двадцать лет назад, а все-таки найду народ Бумбы и все-таки прославлю имя Бумбы, превращу рабов в свободных воинов, превращу сирот в счастливых людей!

— Видимо, — сказал старик, — ты рожден отважным отцом, видимо, ты рожден стать надежной опорой родине. Бери коня, да смело скажи, да с миром вернись, исполнив свой долг!

Понесся рыжий конь, приняхиваясь к земле, и примчался к перекрестку семи дорог: по ним шулмусы угнали народ Бумбы. Поскакал рыжий конь по средней дороге. Перепрыгивал он через узкие реки одним прыжком, через широкие реки — двумя прыжками. В месяц пробежал он трехлетний путь, в сутки пробежал он трехмесячный путь... Наконец достиг бе-

рега ядовитой реки: здесь начинались кочевья полоненного народа Бумбы.

Увидели пастухи рыжего коня — сразу же узнали Джангарова Аранзала. Увидели мальчика на коне — и заплакали:

— Горе нам! Томились мы в долгой неволе под ярмом проклятого Шара Гюргю, но была надежда у нас: Джангар придет, Джангар освободит! Теперь и этой надежде конец. Видимо, убит повелитель Бумбы, если скачет на его Аранзале это шулмусское отродье!

Так они плакали, так причитали...

— Чья вы страна? Почему плачете, почему причитаете? — спросил у них Шовшур.

— Были мы раньше страну витезя Джангара. Теперь владеет нами покоритель семи надземных держав, повелитель семи подземных держав, враг человечества, свирепый хан Шара Гюргю, — отвечали люди.

— А где он пребывает сейчас?

— А пребывает он сейчас на поверхности земли, в крепости, обнесенной тройным рвом.

— А далеко ли до этой крепости?

— Трехмесячный путь.

Поблагодарил Шовшур добрых людей, простился с ними, помчался дальше. Ехал, ехал — вдруг навстречу ему пыль пошла: мчится во весь опор мальчик, похожий на галчонка, на жеребенке-трехлетке.

Остановил Шовшур Аранзала, сказал:

— Я задержался, и ты погоди. Побеседуем.

— Ну, покороче! Скажи, чего тебе надобно? — крикнул мальчик. — Слово мое скорое, весть моя важная, дело мое спешное.

— Знаю, что слово твое скорое, да хочу спросить тебя про твое дело. Знаю, что весть твоя важная, потому-то и остановил коня: послушать хочу, — сказал Шовшур.

— Слушай же. Был я прежде счастливец из страны Бумбы, стал я теперь одним из рабов свирепого Шара Гюргю. Но прибыли наконец два полукруга славнейших богатырей Джангара. Увидели они, что порознь слабы, а вместе непобедимы. И решили опять соединиться да начать бой с проклятым Шара

юргю. Если же наши богатыри соединились и начали бой, начит, они закончат его победой. Вот и еду я к своему племени, обрадовать его хочу!

Затрепетало сердце у Шовшура. Спросил он у мальчика:

— Поведай теперь, какова сила свирепого Шара Гюргю?

— Слушай же. Перенес он к своей ставке черную стальную крепость, некогда воздвигнутую по приказу Хонгора. Вокруг крепости из черной закаленной стали воздвиг он крепость из дикого белого камня. Вокруг крепости из дикого белого камня воздвиг он крепость из крепкой лиственницы, и вокруг крепости из крепкой лиственницы стоят войска шулмусов — гуще пыли, шире океана.

Обнял Шовшур мальчика, сказал ему:

— Радостна твоя весть! Возьми за нее сорок тысяч кибиток на берегу реки Таволги, владей ими. А возвращу Бумбе свободу — еще награжу. Ты же скачи к своему племени да скажи, чтоб откочевали все до единого человека.

Умчался мальчик, похожий на галчонка, благословляя судьбу, а Шовшур крикнул своему коню:

— Доставь меня завтра, к началу полдневного зноя, к ставке свирепого хана Шара Гюргю! А не доставишь — отобью черных твоих четыре копыта, разбросаю в широкой степи твои ноги, чтобы насытить воронов, подарю женщинам твою рыжую шкуру, чтобы сделали бурдюк из нее!

Отвечал ему рыжий скакун:

— Завтра, к началу полдневного зноя, доставлю тебя к ставке Шара Гюргю. Взволную воды четырех морей Дерзанья, промчусь бурей по океану Терпенья, подниму в степи такую пыль, что сольется с небом зеленоликая земля и скажут шулмусы: «Эта пыль поднята не одним конем — это шесть миллионов коней прискакали!» Опрокину я крепость из крепкой лиственницы, разрушу крепость из дикого белого камня. Но если ты не доберешься до белой кибитки хана Шара Гюргю, не сорвешь серебряного круга с его дымника, тогда помни: твоя юная гибкая шея — моя, не пощажу ее! На этом клянись!

Поклялся Шовшур, и конь побежал быстрее ящерицы. На другой день, к началу полдневного зноя, показались бойницы крепости. Два полукруга богатырей Бумбы осаждали ее.

Говорят передовые полки шулмусов:

— Вот он, молодой Аранзал! Тяжело дышит, со свистом, как выпущенная из лука стрела. Шумит, как сухая трава. Вид у него, как у степного пожара. Грохот от него, как от семи миллионов коней.

Говорят славные богатыри Бумбы:

— Только Аранзал может поднять такую пыль! Только всадник, давший клятву Аранзалу, что совершит неслыханный подвиг, может так скакать!

Сказал мудрый провидец Алтан Цеджи:

— Это, наверное, тот мальчик, которого мы встретили в дикой глуши. Соединившись с вами, богатыри, для освобождения Бумбы, опять обрел я дар ясновидения. Говорю вам: этот мальчик — Шовшур, сын Джангара. Поезжай, Савар Тяжелорукий, ему навстречу, не подпускай его к стенам крепости, не то погибнет дитя от вражеской стрелы. Приведи его к нам.

Поскакал Савар навстречу Шовшuru, ухватился за повод его коня.

Крикнул Шовшур:

— Пусти! Принял я клятву Аранзала, принял конь мою клятву, не мешай нам!

Но тяжелорукий богатырь привел его к славным воинам Бумбы. Вот ласкают они по очереди сына своего повелителя, а Шовшур говорит им:

— Будет время, друзья мои, когда вы приласкаете меня, будет время, когда я сумею приласкаться к вам. Но сначала кончим ратные наши дела!

КАК ШОВШУР ОСВОБОДИЛ НАРОД БУМБЫ ОТ ИГА ШУЛМУСОВ

Тут Гюзан Гюмбе, глава левого полукруга, врезался в левое крыло вражеских войск. Алтан Цеджи, глава правого полукруга, врезался в правое крыло вражеских войск. А трехгодовалый Шовшур врезался на Аранзале в самую середину вражеских войск.

Заблестели мечи, как струи дождя. Заалела кровь, как степной закат после летнего ливня.

Одержали богатыри сорок побед, растоптали сорок знамен. Рубили, не считая, шулмусскую знать, рубили, не считая, богатых лучников, — одних только бедняков подневольных щадили.

Ранен Шовшур — смертельно, говорят, — да время ли думать о ранах! Крикнул он богатырский клич. «Бумба!» — крикнул он. Налетел Аранзал на крепость из крепкой лиственницы — и опрокинул ее. Налетел Аранзал на крепость из дикого белого камня — и разрушил ее. Ринулся на крепость из черной закаленной стали — не подпустили его к ней сильнейшие семидесятиголовые, семидесятирукие шулмусы.

Крикнул тогда Шовшур:

— Слушай ты, свирепый хан Шара Гюргю! Напал ты на страну Бумбу, когда не было дома отца моего, светлого витязя Джангара! Вторгся ты в мою страну, не дожидаясь моего рождения. Теперь, когда я прибыл к тебе, почему же ты прячешься под подолом своей жены? Если ты мужчина, то выходи сюда! Если же ты не мужчина, то знай: опозорю я тебя, ухвачусь я за серебряный круг дымника твоей кибитки!

Ударил Шовшур нагайкой коня. Понесся Аранзал, да не сумел перескочить через тройной ров и остановился. Тогда спешился Шовшур, перепрыгнул через тройной ров, взмахнул пятьдесят два раза своим богатырским мечом, обезглавил шулмусскую стражу. Рассек он пополам стену из черной закаленной стали, ворвался во двор свирепого хана Шара Гюргю. Следом за Шовшуром, на его Аранзале, уже не зная преград, влетел во двор Алтан Цеджи.

Крикнул Шовшур:

— Позор тебе, Шара Гюргю! Пришел я для того, чтобы ухватиться за серебряный круг дымника твоей кибитки!

И с этими словами Шовшур подпрыгнул, ухватился за круг дымника и снес его прочь.

Выбежал дикий, свирепый Шара Гюргю. Стал он бороться один на один с трехгодовалым Шовшуром.

Боролись семью семь — сорок девять суток. Падая, высекали панцирями огонь из камней. На пятидесятый день Шовшур утомился: слишком уж молод был, слишком неопытен! Тут Алтан Цеджи крикнул ему:

— Отец твой, бывало, скажет: «Ого, какой высокий чело-

век!» — и схватит противника обеими руками за пояс и пригнет его шею к земле. Скажет, бывало, твой отец: «Ого, какой тяжелый человек!» — и поднимет противника так, что заболтаются в воздухе его ноги. Бывало, скажет твой отец: «Ого, какой непобедимый человек!» — и убьет противника наповал!

От этих слов удесятирилась в руках Шовшура сила, в десять раз проворней стало его проворство, в десять раз острее стало острие его меча.

Налетел Шовшур на Шара Гюргю, ухватился обеими руками за его пояс, пригнул его шею к земле, поднял его, заставив болтаться в воздухе тяжелые, как дубы, шулмусские ноги, повалил его на землю, занес над ним свой богатырский меч.

А тут подъехал Алтан Цеджи, спешился, заковал свирепого Шара Гюргю в железные цепи.

Сказал Шовшур:

— Теперь, Шара Гюргю, вручи нам власть над необычайными превращениями.

Передал Шара Гюргю богатырям Бумбы власть над необычайными превращениями.

Повелел Шовшур:

— Да возвратится в Бумбу весь угнанный скот, до единого ягненка! Да возвратятся в Бумбу все до единого ребенка народы-племени! Да покроется Бумба вечнозеленой травой! Да разольется водами бессмертия океан! Да поднимутся к небу дворцы богатырей!

Сели воины на коней, поехали в обнимку, держа друг друга за плечи, запели песню — хвалу родному краю:

— Счастья и мира вкусила эта страна,
Где не известна зима, где всегда весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласные и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где не известна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где не известна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна!

Мало ли, долго ли мчались — прибыли в страну Бумбу. Зазеленела вечнозеленая трава, зашумел водами бессмертия океан, запестрел скот четырех родов, зазвенели птицы, загремели ключи и реки, забелели башни-дворцы. Выбежал навстречу богатырям весь счастливый народ: опять увидел он солнце своей родины.

Поехал Шовшур к учейшему Гюши-Замба-хану за своей матерью, привез ее, начал управлять страной. Освободил он от шулмусского ярма народы семи надземных держав и велел им перекочевать в благословенную Бумбу. Поселил он шулмусов между соленой рекой и ядовитой рекой, на берегах, покрытых побелевшими корневищами редких сухих ковылей. А кровопийцу Шара Гюргю и тридцать его знатнейших военачальников, закованных в цепи, приказал Шовшур бросить в темницу.

Вернул Шовшур Бумбе прежнее величие, стала она еще могущественней, но не было у нее полного счастья: не хватало ей для полного счастья Джангара и Хонгора.

КАК ДЖАНГАР НАШЕЛ ДЕВУШКУ, ЯВИВШУЮСЯ ЕМУ ВО СНЕ

А в это время богатырь Джангар, опираясь там, где поуже, на один шест, там, где пошире, на два шеста, спускался в пропасть земли. Увидал он все муки ада, достиг четвертой бездны. Увидал он все ужасы ада, ступил на дно седьмой бездны. Дальше куда? Попирает он седьмое дно Вселенной, седьмую преисподнюю земли!

Побежал он по красной колее; долго бежал, без счету, без времени, как вдруг видит: сами собою движутся две горы, сами собою меняются местами.

«Что за чудо?» — подумал богатырь. Приблизился он к горам и видит: забавляется какой-то трехгодовалый рыжеволосый мальчуган, переставляя горы с места на место.

«Видать, и в подземных странах живут сильные люди!» — подумал Джангар и спросил мальчугана, как его имя, откуда он родом.

Тот ответил:

— Я — Ула́н, сын великана Гюзана Гюмбе, рожденный после того, как вы, Джангар, покинули Бумбу. Решив, что только мне суждено освободить Хонгора, спустился я в седьмую пропасть. Я перед подвигом испытываю свою силу.

Джангар, который в своем одиночестве был бы рад взять себе в спутники ласточку или муху, с радостью взял с собою Улана.

Пошли дальше. А надо сказать, что в преисподней круглые сутки стояла засушливая жара. Обессилели путники от страшной жажды. Вдруг идет им навстречу еще один трехгодовалый мальчуган. Джангар спросил его:

— Кто ты, откуда ты родом?

— Испейте сначала водицы, потом отвечу, — сказал мальчик.

Схватил он горсточку мелкого выжженного песка, подбросил ее трижды, и расступилась земля, дав дорогу быстрой светлой реке.

Когда Джангар и Улан утолили жажду, мальчик сказал:

— Я — Шонхóр, сын мудрейшего из людей Алтана Цеджи, рожденный после того, как вы, Джангар, покинули Бумбу. Решив, что именно мне суждено освободить Хонгора, спустился я в седьмую пропасть.

Джангар, который в своем горе был бы не прочь и червяка взять себе в помощники, с радостью взял с собой и Шонхора.

Побежали дальше. Видят, стоит большая белая кибитка. Входят, а там приготовлен длястряпни огромный котел, оленье туши висят над очагом, а рядом с очагом навален кизяк.

— Здесь на сутки сделаем привал, — сказал Джангар.

Растянулся он, как ремень, раскраснелся, как таволжник, заснул, а мальчики принялись резать мясо для варки. Только собрались бросить мясо в котел, входит в кибитку старуха. Ножки у нее сайгачьи¹, лицо из меди, и огромный клюв торчит.

— Тетушка, поддерживайте огонь в очаге: поедим вкусного мяса, — говорят ей мальчики.

Стали варить. Только закипела в котле вода, подняли крышку. Смотрят: а мяса нет! Оглядываются — нет и старухи!

¹ Сайгаки — степные антилопы.

— Что за старая шулма¹ попалась! — сказали мальчики и стали опять варить.

Только бросили мясо в котел — старуха появляется.

— Тетушка, добром говорим: убирайся-ка ты вон!

— Детки, не сердитесь на меня за съеденное мясо: зернышко — вот и вся моя пища за день. Очень я здесь голодаю.

С этими словами села старуха у очага.

«Пусть сидит: она теперь, наверно, сыта», — подумали мальчики. И только закипела вода в котле, подняли крышку — смотрят, а мяса опять нет! Оглядываются — нет и старухи!

Стали тут мальчики рассуждать:

— Если расскажем обо всем богатырю Джангару, не поверит он нам, а подумает про себя: «Ну и обжоры же эти парни — двумя котлами мяса не насытились!»

Принялись они опять резать мясо.

Тут проснулся Джангар и говорит:

— Ну, малыши, вы наелись уже, а я себе сам сварю свою долю. Вы же спать ложитесь: устали, наверно.

Легли мальчики спать.

Сидит богатырь Джангар, варит мясо... Вдруг слышит смех. Оглянулся — стоит старуха у порога, смеется, прикрывая рот рукою.

— Говорят: плачущего поучай, смеющегося вопрошай, — сказал Джангар. — Ну, чему вы смеетесь?

— Смеюсь я и удивляюсь тому, что два захудалых паренька спят, блаженствуют, а великий богатырь Джангар, повелитель Бумбы, варит им пищу, как простой поваренок.

— Ладно, — сказал Джангар, — не болтайте попусту, а принесите-ка лучше воды.

Дал он старухе подойник с продырявленным днищем, да ложку с маленьким ковшиком. Услал он ее, а сам думает: «Пойду посмотрю, что творится на дворе у этой негодницы!»

Вышел богатырь на двор и видит: лежит волшебный красный мешок, а рядом — аркан из человеческих жил. Пока старуха наполняла маленьким ковшиком подойник с продыряв-

¹ Шулма — ведьма.

ленным днищем — хитер Джангар, хитер! — успел он унести волшебные вещи, подменив их другими, обыкновенными.

Воротилась старуха, говорит:

— Подойник у тебя с продырявленным днищем.

— Ладно, — сказал Джангар, — не болтайте попусту! Разведите-ка огонь — поедим мяса.

Только закипела вода в котле, Джангар обнажил свой меч и схватил старуху за шиворот. А так как мешок у нее оказался не тот, не волшебный, то замешкалась она, опрокинула на подол горячую воду и вывалила мясо на пол. Разрубил Джангар старуху пополам. Тут верхняя часть ее тела поднялась вверх, а нижняя часть ушла вниз, под самую землю.

— Вставайте, дети, ешьте! Победил я вашего врага! — крикнул Джангар проснувшимся мальчуганам. — Держите этот аркан. Я спущусь туда, куда скрылась нижняя часть тела старухи. Только зашевелится аркан, — вытягивайте его.

Спустился Джангар под седьмую землю. Пусто кругом, тихо. Видит он — стоит одинокая белая юрта. Входит — а там девушка, прекрасная, как солнце и луна. Узнал Джангар девушку: это она явилась ему во сне и велела покинуть Бумбу, оставить шесть тысяч двенадцать богатырей, расстаться с Хонгором!

— Мир вам, повелитель Бумбы! — сказала девушка. — Я дочь небесного хана. Когда я собирала в небесном лесу цветы, эта старая шулма, которую вы разрубили пополам, унесла меня в своем волшебном мешке и поселила здесь, в аду. Однажды старая шулма проговорила: «Если богатырь Джангар догадается покинуть Бумбу, расстаться со своими богатырями, оставить Хонгора, то его страна станет еще могущественней, его народ — еще счастливей. Освободит он из ада все подъяремные племена, освободит он и тебя, девушка. Но никогда не догадается Джангар так поступить». Эти слова старой шулмы я пересказала, когда явилась вам, великий богатырь, во сне.

— Куда же ушла нижняя часть тела старухи? — спросил Джангар.

— Вон стоит черная лачуга, там ищите, — отвечала девушка.

Входит богатырь Джангар, а там семеро бритоголовых вер-

зил возятся над телом старухи — соединяют верхнюю часть с нижней.

Говорит старуха своим бритоголовым сыновьям:

— К нам в преисподнюю, долгим путем истомлен,
Джангар великий спустился, прекрасный, как сон.
Зубы свои коренные выплюньте вмиг,
Переверните к небу красный язык.
Витязя вы превратите в бесплотный сон,
И да приснится собственным подданным он!

Крикнул богатырь:

— Вот пришел я, Джангар, твое дневное желание, твое ночное сновидение!

Стукнул он друг о друга бритыми головами сыновей старухи — пали они мертвые. Умерла и старуха: не срослось ее тело.

Вернулся Джангар в юрту к прекрасной девушке, говорит ей:

— Убита старая шулма, убиты ее бритоголовые отродья. Ты свободна. Ухватись, девушка, за аркан — поднимайся наверх.

— Вы поднимитесь сначала, доблестный мой спаситель! — отвечала девушка.

— Нет, поднимись ты.

— Могу ли я подняться раньше вас, повелителя страны бессмертия?

— Поднимись — таков мой приказ!

Ухватила девушка за аркан: зашевелился он. Мальчики, Улан и Шонхор, стали его вытягивать. Смотрят — перед ними девушка, прекрасная, как солнце и луна.

— Когда я вырасту, будешь моей женой, — сказал ей Шонхор.

— Нет, когда я вырасту, она будет моей женой, — возразил Улан.

— Молчи, я женюсь на ней!

— Нет, я!

Заспорили мальчики, стали бить друг друга кулаками и выпустили из рук отяжелевший аркан, за который уцепился Джангар. Стремглав полетел он вниз, грохнулся наземь, переломил себе правое бедро.

КАК ДЖАНГАР И ХОНГЭР ВЕРНУЛИСЬ ИЗ АДА В СТРАНУ БУМБУ

Долго лежал в беспамятстве доблестный богатырь Джангар. Стал он сновидением своей Бумбы, стал мечтою славного сына своего Шовшура.

Прибегают однажды две мышки: муж и жена.

Мышка-жена говорит:

— Вот лежит мясная туша. Будет нам прекрасный обед.

А муж отвечает:

— Только мужчина понимает мужчину. Вижу я — это один из властелинов земли. Не трогай его. Пойдем.

— Да ты с ума спятил, муженек! Какое же мясо нам есть, если не это, что здесь валяется? — возразила мышка-жена и отгрызла кусок.

— Видать, над обессилевшим человеком и мышка становится госпожой! — воскликнул пришедший в сознание Джангар и дал ей шелчка. Переломил он мышке правое бедро.

Прибежал на другой день муж мышки с листочком в зубах. Погрызла мышка листочек — зажило сразу ее бедро.

— Дай-ка еще раз узнаю, каков на вкус этот злодей. Он поранил меня? Хорошо же! — И мышка-жена впилась острыми зубками в Джангара.

Тот опять дал ей шелчка, переломил ей левое бедро.

— Я же тебе велел не трогать его! — сказал мышке муж и опять убежал.

На другое утро он вернулся с листочком в зубах. Отнял Джангар листочек. Побежал муж мышки за вторым листочком. И его богатырь отобрал. Прибежал муж мышки с третьим листочком. Вырвал Джангар у него изо рта и третий листочек и приложил его к левому бедру мышки-жены. Зажило сразу ее бедро. Положил Джангар один листочек на свое раненое бедро — и оно зажило сразу. Пожевал богатырь другой листочек — сразу же на ноги встал. Оглянулся — крошечная мгла кругом. Понял Джангар: пока здесь находилась освобожденная им девушка, дочь небесного хана, ее красота освещала эту пропасть. Только ее не стало — наступила ночь.

Насторожившись, Джангар внезапно услышал издали зву-

ки сладчайшей песни. Побежал он на зов этих звуков и прибежал к огромному сандаловому дереву, увенчанному нежной листвой. Это были те самые волшебные листья, которые исцелили его. Едва ложилось на них дыхание ветра, едва листок касался другого листка — раздавались сладчайшие голоса.

Запрокинул Джангар голову и увидел, что вершина сандала достигает верхнего земного покрова. Встал он на цыпочки — не сорвал листка. Тогда начал он карабкаться на цветущий сандал и целые сутки добирался до первого листочка. Взорбался он еще выше, сорвал двадцать листков, спрятал девятнадцать в карман, а двадцатый положил себе на язык и сказал:

— Дай отыскать мне к утру завтрашнего дня двух негодных озорников и дочь небесного хана!

На другое утро богатырь проснулся около двух мальчиков и дочери небесного хана. Отправил Джангар обрадованную девушку наверх, в родительский дом, а мальчикам сказал:

— Дожидайтесь меня здесь. Вернусь — накажу вас!

Побежал богатырь по красной дороге на поиски Хонгора. Много встретил он людей, живущих в аду под ярмом свирепого Шара Гюргю, всех он расспрашивал, но никто не знал, какова судьба славного Хонгора, Алого Льва.

Однажды увидел Джангар пожилую женщину, собиравшую в бурной реке ветки и кору деревьев. Где только бедняки не ищут топлива! Ослепленная величием богатыря, женщина эта поглядывала на него из-под ладони.

Джангар спросил ее:

— Сестра, не знаешь ли ты, где сейчас находится богатырь Хонгор, Алый Лев?

Повернулась женщина к нему спиной, говоря:

— Может быть, он доводится тебе братом? Может быть, ты хочешь заставить меня выболтать тайну, чтобы меня потом наказали? Что же, сказать, не сказать? Сказать, не сказать? — Поколебавшись, сказала: — Была не была! И почему не сказать? Слушай же. Одиннадцать тысяч раз в сутки одиннадцать тысяч шулмусов били его плетеной кожей, одиннадцать тысяч раз в сутки одиннадцать тысяч шулмусов сверлили его каленым железом. Растянулась плетеная кожа, сломалось каленое железо, а Хонгор остался целым и невредимым, ни разу не

вскрикнул он от боли. Придумали другую пытку: стали пропускать четыре раза в сутки через его драгоценные уста в желудок длинный железый прут, накаленный добела, но и тут Хонгор ни разу не вскрикнул. Тогда бросили его на дно огненного моря, и что с ним стало, не знаю. Все, что слыхала от разных людей, — все рассказала. Плачут о Хонгоре старики и старухи, мужчины и дети, а где он, не ведают.

Поблагодарил Джангар женщину за рассказ и побежал к огненному морю. Только он достиг берега огненного моря, сбегались со всех сторон шулмусы, тысяча тысяч семидесятиглавых чудовищ, и ринулись на него.

Врезался богатырь в самую гущу врагов. Взмахнул он четыре раза своим священным мечом — прорубил в войске четыре просеки. Взмахнул он восемь раз священным мечом — и вражеское войско, напоминавшее сначала густой лес, превратилось в редкую рощицу. Видимо, сама смерть превратилась в его булатный меч! Был Джангар грозой смельчаков, бедой трусов. Оглянулся он — все враги пали мертвые. Побежал Джангар по головам шулмусов, добежал до берега огненного моря. Кипело оно, как вода в раскаленном котле.

«Как я войду в это кипящее море? — подумал Джангар. — Дай-ка я пожую волшебный сандаловый листок — может быть, он меня выручит!»

Пожевал Джангар листок, проглотил его и сам превратился в листок с тоненьким стебельком. Взлетел листок по ветру и упал в кипящее море. Долго носился он по волнам, шарил по дну моря своим стебельком и нашел кучу ветвей и груды камней, будто их с умыслом кто-то сложил вместе. Уцепился листок своим стебельком за кучу ветвей и груды камней, вытащил их на берег. Сразу понял богатырь: эта груда камней, эта куча ветвей были недавно костями Хонгора, Алого Льва.

Взлетел листок по ветру, упал на землю, и принял Джангар свой истинный облик. Положил он один листок себе на язык и сказал:

— Если действительно ты волшебный листок,
Если действительно ты целебный листок, —
Славного Хонгора, Алого Льва, исцели!

Свершилось чудо: ветви и камни стали наполняться мозгом костей, кости стали покрываться мясом, и возник из груди камней, из кучи ветвей спящий богатырь. Это был Хонгор, Алый Лев.

Крикнул Джангар богатырский клич Бумбы. Проснулся Хонгор, зевнул и, не размыкая век, сказал:

— Э, видимо, долго могут люди спать!

Раскрыл он глаза — увидел Джангара. Бросились богатыри друг другу в объятия. Семеро суток они целовались, четырнадцать дней делились счастьем и горем. Наконец побежали назад. Семью семь — сорок девять дней бежали они по аду. Прибыли к отверстию норы, ведущей на поверхность земли. Там ожидали их мальчики: Шонхор и Улан.

— Вот они, два озорника, из-за которых я чуть не погиб под седьмым дном земли! Надо их наказать, — сказал Джангар.

— Нет, мой брат, мой повелитель, — ответил ему Хонгор, — вы неправы. Если бы они не выпустили из рук аркана, вы бы не грохнулись на дно пропасти, не потеряли бы сознания. Если бы вы не потеряли сознания, вас не стала бы грызть глупая мышка. Если бы вас не погрызла мышка, вы бы так и не узнали о волшебных листьях сандала. А без волшебных листьев сандала как бы вы меня вернули к жизни?

Джангар согласился с Хонгором и сказал:

— Прощаю вас, мальчуганы. Пробегите по всем адским безднам и возвестите народам семи подземных держав, что шулмусское войско мной уничтожено, что они свободны! Пусть присоединяются к народам бессмертной Бумбы.

Отправились мальчики исполнять повеление Джангара, а богатыри стали выбираться на поверхность земли. В широких местах опираясь на два шеста, в узких — на один шест, добрались они до верхнего покрова земли.

А на земле, на краю пропасти, стоял сын Джангара, Шовшур, стоял ясновидец Алтан Цеджи, и оба готовы были спуститься вниз. Богатыри бросились друг к другу.

Джангар взял Шовшура на руки и сказал:

— Хонгор! Все, что я приобрел, покинув тебя, заставив тебя испытать столько мук, — этот вот мальчик!

— Отчего же вы раньше не сказали мне о нем? — воскликнул Хонгор. — Я вызываю вас, Джангар, на суд.

И когда собрались опять во дворце Джангара шесть тысяч двенадцать богатырей, когда кругом расселись красноликие важные старухи, и седовласые старики, и нарядные жены, и верблюдоокие, румяные девушки, Хонгор сказал на пиру:

— Этот великий богатырь Джангар скрыл от меня, что у него есть трехгодовалый мальчуган. Вызвал я Джангара на суд. Разрешите нашу тяжбу, старики!

Посоветовались в глубокой тишине старики и так изрекли:

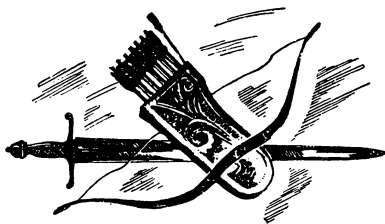
— Правда на стороне Хонгора. Посему даруется ему право дать новое имя Шовшуру.

Хонгор встал, поклонился всем и сказал:

— Шовшур уже трехлетним мальчиком совершил неслыханные подвиги. Он освободил народ Бумбы от шулмусского ярма, он победил свирепого хана Шара Гюргю, он вернул Бумбе прежнее величие. Посему награждаю его именем Лотос, ибо лотос — герб нашей бессмертной Бумбы!

С тех пор получил Шовшур имя Лотос. Стала страна Бумба еще могущественней, стал народ Бумбы еще счастливей.

И богатырские снова пошли пиры,
Бумба-страна воссияла из рода в род,
И в золотом совершенстве с этой поры,
В мире, в довольстве, в блаженстве с этой поры
Зажил могущественный богатырский народ.

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

•

О ТОМ, КАК МАЛЬЧИКИ,
ВОЗГЛАВЛЯЕМЫЕ ШОВШУРОМ,
ПРОЗВАННЫМ ЛОТОСОМ,
ПОБЕДИЛИ КРИВОЛОБОГО
МАНГНА-ХАНА

•

КАК БЫЛ ПРОВОЗГЛАШЕН ВСЕНАРОДНЫЙ КЛИЧ

День клонился к закату, смежая могучие веки. Был на исходе богатырский пир во дворце Джангара. Разгоряченные хмельной аракой, спрашивали друг друга воины:

— Ужели сражений для славы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?

В это время на вороном коне, с лысинкой на лбу, прискакал знатный всадник. Он спешил к дворцовым воротам, стреножил коня, поставил его на приколе и вступил во дворец.

Пирует он со всеми девять дней — никто не замечает его. Тогда подходит он к месту, где восседает Джангар, и говорит:

— Мой повелитель — криволюбый Мангна-хан. Дошло до его слуха, что владеете вы, Джангар, быстроногим конем Аранзалом, чьи копыта несут гибель врагам, и пожелал Мангна-хан обладать этим конем. Дошло до его слуха, что женаты вы на Шавдал, которая румяна, как восход солнца, которая нежна, как лунное видение, чья кожа прозрачна, как золотое стекло

луны, и пожелал мой хан сделать ее рабыней своей жены, чтобы она ей на руки поливала воду. Дошло до слуха моего повелителя, что возглавляет левый полукруг ваших богатырей лучший из людей мира — Хонгор, Алый Лев. Говорят, что был он подвергнут неслыханным пыткам в аду и ни разу не вскрикнул от боли. Говорят, что выходит он один на один с целым вражеским войском и побеждает его. Посему пожелал Мангна-хан, чтобы этот ваш прославленный Хонгор стал у него скороходом для посылок по всяким мелочам. Если через семью семь — сорок девять дней не будут исполнены желания Мангна-хана, пойдет он войной на вас. Истребит он ваш могучий народ, осушит ваш океан, уничтожит ваши дворцы и башни!

Тут вскрикнул Савар Тяжелорукий:

— Не могу я слушать этого хвастуна! — и бросился на чужеземца.

Но Джангар остановил его:

— Он — посланец державного мужа. Завтра, выполняя мой приказ, ты повел бы себя точно так же.

Посланец поклонился Джангару до земли и покинул дворец.

Повелитель Бумбы спросил ясновидца Алтана Цеджи:

— Как мне быть: соглашаться или не соглашаться?

Алтан Цеджи отвечал:

— Мангна-хан был сильнее вашего отца, а ваш отец был сильнее вас. Один только Хонгор мог бы еще попытаться вступить в борьбу с Мангна-ханом, но кто из них одолеет, не знаю.

Джангар подумал и сказал:

— Много у нашей Бумбы врагов, завистливых и алчных. Пошлем сейчас против Магна-хана Хонгора, а в это время нападет на нас еще более сильный враг. Нельзя страну оставить без крепости, а Хонгор — наша крепость. Нельзя воинов лишать знамени, а Хонгор — наше знамя. Но есть у нас, кроме Хонгора, великая мощь — это наш несметный народ. Неужели нет в народе сына, который сумел бы одолеть Мангна-хана? Давайте провозгласим всенародный клич!

Снарядили златоуста Ке Джилгана; сел он на коня, поскакал по стране, стал провозглашать всенародный клич:

— Двигутся грозные тучи на нас,
Враг ополчился могучий на нас,
Верную гибель народу несет!
Если в бессмертной отчизне живет
Силою наделенный сын,
Смелостью одаренный сын, —
Пусть о себе заявит скорей!

Так объявлял Ке Джилган целую неделю. Прошла вторая, за ней — третья; никто не откликнулся на его клич. Доехал Ке Джилган до владений Гюзана Гюмбе. На зеленой лужайке два мальчика играли в бабки. Услыхав клич Ке Джилгана, один из мальчиков, рыжеволосый, освободил от бабок подол своего бешмета, подошел к всаднику и почтительно молвил:

— Мир вам, богатырь! Повторите еще раз то, что вы здесь провозгласили.

Ке Джилган, взглянув на мальчика, поехал дальше. Поехал он, не останавливаясь, но и не быстро, чтобы мальчик не отстал от него.

Едет Ке Джилган, слушает мольбы мальчика, бегущего рядом с его конем, и думает про себя:

«Разве такой рыжий паренек, ростом с мизинец богатыря, одолеет великого воина, который сильнее самого Джангара?»

Стыдно было Ке Джилгану возвращаться к богатырям с такой находкой, но еще тягостнее было ему возвращаться ни с чем. В такой нерешительности водил он мальчика за собой две недели.

Тогда крикнул мальчик:

— Ты жалеешь для меня маленького куска седла на своем коне! погоди же, расплачусь я с тобой!

Подивился Ке Джилган таким словам, посадил мальчика себе на седло и погнал коня. Но, когда они достигли дворца Джангара, заколебался Ке Джилган опять. «Как я предстану перед богатырями с таким червяком?» — размышлял он.

Два дня не решался войти он во дворец. Тут взяла мальчика досада — крикнул он:

— Мне казалось, что не кто иной привез меня сюда, как

вы, а выходит, что я вас привез! Ну что же, тогда я войду первым!

Поднял он Ке Джилгана, схватив его за красный пояс, и, держа богатыря перед собой, вступил во дворец.

КАК ТРИ МАЛЬЧИКА ОТПРАВИЛИСЬ В СТРАНУ МАНГНА-ХАНА

Увидев мальчика, поднялся с места Гюзан Гюмбе и сказал, подошёл к нему:

— Милый сын мой Улан, на какое дело ты решился! Не снести тебе своей головы!

Схватил он Улана за правую руку, хотел увести его, но мальчик стоял как прикованный. Отвернулся от него Гюзан Гюмбе с глазами, полными слез, и молвил:

— Если уж суждено истлеть твоим костям, пролиться твоей крови, то возьми с собою сына Джангара, своего одноклассника Шовшура, прозванного Лотосом! Возьми с собой и одноклассника своего Шонхора, сына Алтана Цеджи. И пусть Шовшур, прозванный Лотосом, возглавит вас!

Так сказав, удалился в горе Гюзан Гюмбе из дворца.

Подозвал Джангар Улана, взял на руки трехлетнего смельчака, поцеловал его в левую щеку, поцеловал его в правую щеку и приказал снарядить трех мальчиков в дорогу.

Стали для них выбирать коней из числа шести тысяч двенадцати богатырских скакунов и выбрали: рыжего Аранзала — коня Джангара, буланого Улмана — коня Алтана Цеджи, и золотисто-солового Шарга — коня Мингяна. Положили на этих коней серебряные подпотники, накинули на них шестилистные потники, широкие, как степь, набросили на них узорчатые седла, подобные горным ущельям, развесили на гривах и на шеях по сто медных колокольчиков. Облачили трех мальчиков в одежды войны, в доспехи боя, дали им богатырские нагайки со стальными ладонями на конце, с красными шелковыми ремешками, с разрисованными рукоятками, сделанными из молодых лиственниц.

Предстали мальчики перед богатырским станом. Осмотрели

их все шесть тысяч двенадцать богатырей, осмотрели спереди, сзади, с боков и порешили, что три смельчака справятся со своим трудным делом. Произнесли богатыри им напутственные благопожелания и проводили их со слезами на глазах.

Сел Шовшур на Аранзала, сел Шонхор на Улмана, сел Улан на Шарга, и поскакали мальчики, дневки не делая днем, не ложась по ночам.

Так проскакали они семью семь — сорок девять суток. Выехав на одинокий курган, мальчики спешили, привязали коней — порешили сделать привал. Улеглись мальчики под курганом, растянули над собою навес, разожгли костер. Заварили крепкого чаю и стали пить, дуя на пиалы. Вдруг они заметили тонкую красную полосу пыли, упиравшуюся в синее небо. Вскоре показался могучий конь, на котором сидел ясновидец Алтан Цеджи.

— Дорогие дети мои, — проговорил он, слезая с коня, — косточки ваших рук и ног — пока еще хрупкие хрящи. Послушайте совет бывалого старика — пригодится в чужой стране. Встретится вам на пути вязкое болото, и такой ширины, что не переправитесь через него и за тысячу зим, и такой длины, что не обойдете его и за тысячу лет. Нужно вам пустить вперед моего коня, буланого Улмана, — он уже знает, как поступить. Проскачете еще три месяца — и увидите три огненно-красных сандала. Появятся на дороге пятьсот девушек, будут предлагать вам напитки и снадобья, сочетающие в себе восемьдесят разных вкусов. Нужно вам пустить первым коня богатыря Джангара, рыжего Аранзала, — он уже знает, как поступить. Проскачете еще три месяца — и встретите девушку великой красоты. Держа бурдюк с хмельной аракой, скажет она вам:

«Смельчаки, не спешите, молю!

Араку оцените мою:

Голод от нас удаляет она,

Жаждающих утоляет она!»

Сладок будет ее голос — не слушайте ее, а отпустите поводыя Шарга, золотисто-солового коня Мингйана, — он уже знает, как поступить.

С этими словами сел Алтан Цеджи на коня и пустился в

обратный путь. Сели на своих коней и мальчики-одногодки. Помчались кони, не страшась палящего зноя, не пугаясь ночной мглы. От их развевавшихся челок несло над землей пение скрипок и гуслей. Скакуны опережали ветер на две сажени, мысль — на сажень. Так примчались к болоту.

Видят мальчики — нет ему ни конца ни краю. Вспомнили слова мудрого Алтана Цеджи, пустили первым буланого Улмана, топтавшего травы многих земель, глотавшего воды многих ключей.

Пошел Улман по тоненькому следу паука, проложенному десять лет назад, пошел Улман по петлистому следу змеи, ползавшей двадцать лет назад. Не задевал он копытами стенок в узких каменных проходах, не застревал он в черных влажных проталинах. Оба коня, следовавшие за Улманом, проделали то же самое, будто заранее с ним сговорились. Так перешли непроходимое вязкое болото — преодолели первую преграду.

Помчались кони дальше и через три месяца примчались к трем огненно-красным сандалам.

Вдруг появились в глубокой безлюдной степи пятьсот девушек. Приблизились они к богатырям, держа в руках напитки и снадобья, сочетающие в себе восемьдесят разных вкусов, и запели:

— С нами, друзья, побеседуйте вы,
Яств и напитков отведайте вы!

Не стали мальчики их слушать, а пустили вперед, как велел им ясновидец Алтан Цеджи, рыжего Аранзала. Задвигал Аранзал ушами, как ножницами, топнул он четырьмя копытами, будто хотел растоптать Вселенную, рванулся вперед, но вдруг выросли на пути густые стальные леса. Видимо-невидимо было железных копий, всаженных в землю с такой густотой, что бабочка не могла бы между ними пролететь. Проржал Аранзал семьдесят раз клич лошадей Бумбы, и от его ржания, как от ветра, повалились древки семидесяти копий. Через все копейные леса пролегла тропа шириною в ушко иглы.

Аранзал сжался в теле, свернулся клубком и двинулся по

тропиночке. Два других коня проделали то же самое, будто заранее сговорились. Пробирались они сквозь леса копий, еле ступали на цыпочках черных копыт и наконец оставили густые стальные леса за собою. Обрадовались мальчики: преодолели вторую преграду.

Помчались кони дальше так быстро, будто завидовали ветру, так быстро, будто пугались комков земли, разбрасываемых по дороге. Проскакав девяносто дней, встретили всадники девушку великой красоты. В одной руке у нее пиала с хмельной аракой, в другой — напитки и снадобья; идет девушка и поет:

— Смельчаки, не спешите, молю!
Араку оцените мою:
Голод от нас удаляет она,
Жаждающих утоляет она!

Не стали мальчики слушать ее сладких песен, а пустили вперед золотисто-солового Шарга, на котором сидел Улан. Но красавица преградила путь коню, поклонилась его четырем копытам, потом взглянула на рыжеволосого Улана и запела:

— Много всяких зелий у меня,
А в глазах веселье у меня!
Жажду и голод утолите вы,
Думу-заботу удалите вы!

Крикнул Улан:

— Говори, девушка: хочешь ты мира или хочешь войны? Если хочешь мира — сойди с дороги по своей воле, если хочешь войны — сойдешь с дороги по моей воле!

Расстегнула девушка свой шелковый бешмет цвета неувяды-травы, и под ним оказалось девять других бешметов. В самом последнем бешмете был потайной карман. Вынула девушка из потайного кармана стальной ключик, взмахнула им три раза — и выросла в степи крепостная стена, сработанная из черной стали. Оказалось потом, что имела та стена триста тысяч верст в ширину и триста тысяч верст в высоту.

Отпустил тогда Улан поводья золотисто-солового коня. Взялся золотисто-соловый конь Шарга в небо, поднялся на двести тысяч верст вверх, прыгнул вниз, вонзился на двести

тысяч верст в глубь земли, подпрыгнул до неба, взвился на триста тысяч верст вверх и перескочил через стальную крепостную стену. Два других коня проделали то же самое, будто заранее они сговорились. Обрадовались мальчики: послушались мудрого старца Алтана Цеджи — преодолели и третью преграду!

КАК ТРИ МАЛЬЧИКА ВСТУПИЛИ В СТРАНУ МАНГНА-ХАНА

Поскакали дальше гривастые резвые кони и вскоре достигли безлюдной пустыни. Вдруг свалился буланный Улман возле невысокого холма. Спешились три мальчика, обняли дорогого коня за шею, заплакали:

— Что с тобой стало, священногривый конь, жемчужнохвостый конь, милый наш Улман? Где твоя быстрая резвость? Где твоя выносливая сила? Ыах! Почему ты свалился на полпути, здесь, на границе двух земель?

Не желая расстаться с драгоценным богатырским конем, покинуть его на произвол судьбы, мальчики, томясь от жажды и голода, причитали над ним семь дней и семь ночей, но безмолвным оставался буланный Улман.

Тогда подошел к нему рыжий конь Аранзал, улегся рядом, обнюхал его, и соединили кони свои скорбные шеи. Тут поднялся буланный Улман и молвил:

— Во время недавних праздничных скачек, устроенных в честь возвращения Джангара и Хонгора из подземного мира, имел я несчастье прийти к цели первым, опередив Аранзала на расстояние длиною в аркан. Рассердился богатырь Джангар на то, что я, а не его Аранзал, пришел первым, и тяжелым молотом разможил щиколотки моих передних ног. Разбил бы он и мои задние ноги, да Аранзал не пустил. Зажили мои щиколотки — не зажила моя обида. Вот и хотел я отомстить богатырю Джангару — бросить вас, дети, в безлюдной степи. Но встаю теперь из благодарности к Аранзалу, из уважения к вам, защитникам Бумбы!

Поднялся буланный Улман, сели обрадованные мальчики на ретивых своих коней и помчались дальше. Миновали безвод-

ную, бестравную пустыню, прискакали к высокой горе. Упира-
лась она своей лысиной в синее небо.

На вершине горы сидела самка кречета, смотрела зоркими
глазами на восток, в сторону Бумбы, а на каждом ее крыле
было по птенцу. Взобрались мальчики на вершину горы, подъ-
ехали к самке кречета, поклонились, пожелали здоровья ей и
птенцам ее. И сказала им самка кречета в ответ:

— Мир вам, всадники! Это страна
Криволобого хана Мангна.
Здесь птенцы погибали мои,
Здесь птенцы умирали мои —
Умирали в полуденный зной,
Умирали от стужи ночной,
Умирали от бури степной,
От стрелы умирали стальной.
Но орлицы поведали мне
О таинственной Бумбе-стране:
Все живое — священо там,
Все живое — нетленно там.
Смерти не было там никогда.
Я теперь пробираюсь туда,
Где не будет бури степной,
Где не будет стужи ночной,
Раскаленной жары дневной,
Закаленной стрелы стальной.

Сказал Шовшур:

— Лети в богатырский край
С птенцом на каждом крыле.
Народу всему передай:
Уже мы стоим на земле,
Где ханствует великан,
Завистливый Мангна-хан...

Полетела мать со своими птенцами, а мальчуганы помча-
лись дальше. Вдруг появилась на пути девушка с высоким кув-
шином на смуглом прекрасном плече. Поняли мальчики по ее
одежде, что она из селения бедняков. Поклонился ей Шовшур,
сказал:

— Мир тебе, сестрица!

Поклонилась и девушка, зашевелились ее сложенные сердечком губы, но слова не могла вымолвить красавица: язык с гортанью крепко связала немота.

Спешился Шовшур, снял подушку с узорчатого своего седла, усадил на нее девушку. Рукояткой богатырской нагайки разнял он губы красавицы и заглянул ей в горло. Увидел он восемь иголок, поставленных поперек гортани. Извлек Шовшур указательным пальцем эти иголки, набил свою трубку табаком, предложил девушке затынуться и спросил:

— Чья вы дочь? Откуда вы родом? Да будут ваши слова правдивы и ясны!

— Вот вам слово правдивое и ясное, — отвечала девушка. — Была я рабыней ханши Нинмар, жены криволобого Мангна-хана. Однажды, когда я поливала воду на руки своей госпожи, вошел в ее покой криволобый Мангна-хан и сказал: «Скоро другая служанка будет тебе поливать воду на руки». — «Кто же это?» — спросила ханша Нинмар. «Прекрасноликая Шавдал, дочь учейшего Гюши-Замба-хана, жена великого богатыря Джангара, будет поливать воду тебе на руки», — был ответ. «Страшись оскорблять Джангара! — воскликнула ханша. — Лишит он вас владений ваших, присоединит ваш народ к благодатной Бумбе!» Засмеялся муж: «Пока я, криволобый Мангна-хан, владею кривым волшебным мечом, не страшен мне ни один богатырь земли!» Вдруг Мангна-хан взглянул на меня и сразу понял, что я владею отныне его тайной. Тогда он поставил поперек моей гортани восемь иголок, и я онемела. Решила я про себя: «Пойду по широкой степи, встречу доброго человека, вытащит он восемь иголок из моей гортани, доберусь я тогда до страны Бумбы, передам великому богатырю Джангару слова Мангна-хана и свое счастье найду, ибо так говорят о стране Бумбе:

Обетованная эта страна,
Сорокаханная эта страна,
Смерть никогда не вступала туда.
Люди не ведали там никогда
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать,

*Спешился Шовшур, снял подушку с узорчатого своего седла,
усадил на нее девушку.*

И, ничего не деля на «мое» и «твое»,
Славят в напевах радостное бытие.

Отвечал ей Шовшур:

— Поспеши в богатырский край
И народу всему передай,
Что уже мы стоим на земле,
Где свирепый живет великан,
Недруг Бумбы-страны — Мангна-хан!

Простились трехгодовалые богатыри с девушкой, помчались дальше и на другое утро увидели плешивую гору с белой вершиной, обращенной на юг. Взобрались мальчики на вершину горы, спешили, согнули ноги своих коней железом из лучших желез, сталью из лучших сталей и обратили свои взоры на юг. Увидели они башню, похожую на орла, расправившего крылья перед полетом. Ее купола уперлись в небосвод, и вся она пылала издали, подобно огненному языку степного пожара. Решили мальчики: эта башня еще прекрасней, еще богаче великолепного дворца повелителя Бумбы.

Поехали дальше. Вдруг выбегают им навстречу неисчислимые косяки лошадей, а впереди мчится молодой исполин в богатых ратных доспехах. «Видимо, хан или сын хана», — подумали мальчики и поскакали наперерез всаднику.

Крикнул Шовшур:

— Остановитесь, хан, обменяемся приветствиями! Скажите нам: кто вы, откуда вы родом?

— Я — простой табунщик криволобого Мангна-хана, — был ответ.

Поехали мальчики дальше и только через семью семь — сорок девять суток оставили за собою косяки лошадей.

Вдруг выбегают навстречу необозримые стада одногорбых и двугорбых верблюдов, а впереди мчится на богато убранном коне молодой исполин в пышных ратных доспехах, в бешмете, вышитом золотом и жемчугом.

— Брат мой, привет тебе! — крикнул Шовшур. — Кто ты, знатный витязь, откуда родом?

— Я прстой верблюдопас криволобого Мангна-хана, — последовал ответ.

КАК РЫЖЕВОЛОСЫЙ УЛАН ПРОБРАЛСЯ В СТАВКУ ВРАГА

Сказал Шовшур:

— Если у этого криволобого Мангна-хана простой табунщик одет богаче нашего повелителя Джангара, если верблюдопас у этого криволобого Мангна-хана наряднее нашего Главного Певца Мингйана, если дворец этого хана красивее нашей богатырской ставки, — значит, опасный у нас, могущественный враг. Что же нам придумать, чтобы оказаться победителями? Говорите, богатыри!

Сказал рыжеволосый мальчик Улан:

— Накину я на башню Мангна-хана сотканный из золота аркан, свалю эту башню, а вы схватите Мангна-хана, скрутите ему руки и ноги, суньте его в переметную суму и умчитесь.

Но сын ясновидца Алтана Цеджи возразил:

— Спорить ли нам, мальчикам, силой своей с богатырем, который сильнее самого богатыря Джангара? Ловкостью надо нам взять Мангна-хана, ловкостью и хитростью!

Сказал Шовшур:

— Как это вы, Улан, дали такой необдуманнный совет? Видно, вы потеряли свой ум!.. Словом разума было ваше слово, Шонхор! Хитростью надо нам взять Мангна-хана, хитростью и ловкостью!

Так порешив, мальчики пустили своих коней вперед и вскоре доехали до башни Мангна-хана. Оказалось, что она построена из непробиваемого огненно-красного стекла. Охраняла ее, не смыкая глаз, не считая ночей, стража, состоявшая из восьми тысяч воинов. Их пики возвышались подобно деревьям густого леса.

Шовшур обратился к рыжеволосому Улану:

— Попроberитесь в ханскую ставку и выведите похитрее, каковы силы Мангна-хана. Вам, рыжеволосому забияке, поверят, что вы мальчик из селения бедняков, и не причинят вам вреда. Мы же будем стеречь в горном ущелье наших коней.

Улан взобрался на вершину горы и, перепрыгнув через дворцовую стражу, очутился на крыше ханской кухни. Ловко

перепрыгнул он, да в середине прыжка задел правой ногой острие пики.

Крикнул воин, державший древко:

— Караул! Кто-то нарушил покой моей пики!

Рассмеялись воины:

— Мы, стоящие с краю, ничего не заметили, а ты, стоящий в середине, врага почуял! Это во сне тебе померещилось! Эх, ты, не знаешь разве, что часовому спать не полагается!

А тем временем Улан незаметно спрыгнул с крыши и вошел в ханскую кухню. Огромная была эта кухня, взад-вперед сновали поварята, а багроволицый повар готовил к ужину жеребчьи окорока.

Улан схватил жеребчий окорок и побежал. Погнались за ним повар и поварята, и, пока они поймали его, успел мальчик съесть весь окорок, выплюнув через рот крупные кости, высморкав через ноздри мелкие кости.

Привели мальчика к Мангна-хану. Хан сидел посреди золота и тополей, посреди воинов и рабов, на своем престоле о сорока четырех ногах. Лоб у него был кривой, правый глаз возвышался над левым на семь вершков.

Багроволицый повар, задыхаясь от недавнего бега и страшной злобы, сказал:

— Великий хан! Этот рыжий негодяй украл у меня жеребчий окорок, и, пока мы поймали его, успел он его проглотить, выплюнув крупные кости через рот, высморкав мелкие кости через ноздри! Накажите его!

— Ловко придумано! — вскричал Улан. — Поверит ли кто, чтобы такой маленький мальчик, как я, мог проглотить сразу весь жеребчий окорок? Великий хан! Ваш повар — обманщик и вор. Окороком он угостил своего любимого дворового пса, а сваливает все на меня. Накажите его!

Мангна-хан обратился к своим белым мудрецам за советом. Те, посоветовавшись, решили: «Не мог этот маленький мальчик совершить такое дело, во всем виноват повар».

Обрадовался мальчик — песню запел. Нежен был его смех, сладок был его голос. Затихло все в ставке Мангна-хана — растрогал мальчик суровых воинов своим пением.

Мангна-хан подозвал мальчугана к себе, приласкал его и приказал своим слугам:

— Назначаю этого мальчика Главным Певцом! Выдайте ему придворное платье, да понарядней!

Главный Певец поблагодарил великого хана и сказал:

— Я из сахара, из селения бедняков. Не откажите мне, мой повелитель, в милости: прикажите выдать мне бурдюк кумыса и жеребячий окорок, чтобы накормить моих родителей, падающих от старости и голода.

Улан получил бурдюк кумыса, получил жеребячий окорок и покинул ханскую ставку.

Восьмитысячная стража расступилась перед Главным Певцом, и побежал Улан со своей кладью к горному ущелью, где дожидались его два товарища.

— Вот вам еда на три дня, — сказал Улан, — ешьте и пейте. Сейчас возвращусь я в ханский дворец, а вам, Шонхор, поручаю утром третьего дня напасть на правое крыло стражи, уничтожить четыре тысячи богатырей... Вы же, Шовшур, уничтожьте четыре тысячи богатырей левого крыла стражи.

Мальчики сели за трапезу, а Улан вернулся во дворец.

КАК ТРЕХГОДОВАЛЫЙ УЛАН ПОБЕДИЛ КРИВОЛОБОГО СВИРЕПОГО МАНГНА-ХАНА

Уже на другой день Улан стал всеобщим любимцем. Девушкам пел он такие песни, чтобы они заплакали, женам — чтобы они задумались, старухам — чтобы они утешились, старикам — чтобы они вспомнили старину, воинам — чтобы они пожелали боя. Больше всех полюбила Улана ханша Нинмар, жена Мангна-хана. Вот и говорит ей певец:

— Я — мальчик из страны Бумбы. А послал меня сюда Главный Певец нашей страны Мингйан, первый красавец Вселенной. Он так прекрасен, что солнце стыдится появляться при нем на небе. Когда поет он, то кажется, что лебеди мелькают в камышах, летя над озером и звеня на двенадцать дивных ладов. Сказал он мне: «Полюбил я луннолицую ханшу Нинмар.

Узнай у нее, где таится волшебный кривой меч, сделавший криволобого Мангна-хана непобедимым. Отними волшебный кривой меч, уведи жемчужнооковую Нинмар и привези ее мне на седле своего коня».

Не хотела сначала ханша выдать тайну Мангна-хана, но очень уж было ей лестно, что полюбил ее первый красавец мира, да и свирепый Мангна-хан обходился с ней сурово. После долгих колебаний она молвила:

— Говорю тебе не потому, что поддалась уговорам, а потому, что жестоко со мной обращается мой повелитель. Знай же: кривой волшебный меч лежит всегда в изголовье Мангна-хана.

Ночью, когда люди погрузились в сон, пробрался Улан в ханский покой. Перешагнул он через телохранителей хана, спавших у самых дверей, и увидел: возлежит криволобый Мангна-хан на серебряном ложе, и не поймешь, спит он или не спит. Носом зарылся в подушку, левого глаза не видно, а правый глаз, который выше левого на семь вершков, полуоткрыт. Справа от Мангна-хана находится правый ад, слева — левый ад, а в изголовье лежит кривой волшебный меч.

Схватил Улан волшебный меч, обнажил его и крикнул:

— Не моей рукой будешь ты, Мангна-хан, поражен — это народ Бумбы тебя карает! — и вонзил меч в спину хана.

Застонал Мангна-хан от боли, проснулся. Увидев мальчика, бросил его с размаху в правый ад, но Улан, сын хитрого отца, удержался на земле на мизинце правой ноги. Бросил Мангна-хан мальчика в левый ад, но Улан, потомок хитрейших предков, удержался на мизинце левой ноги. Вступили тогда противники в борьбу. От их дыхания стало горячо ханским телохранителям. Проснулись они, посмотрели на борющихся, подумали: «Наш повелитель Мангна-хан за одну ночь не даст никому себя победить», — и перевернулись на другой бок, захрапев.

До первой утренней зари длилась рукопашная схватка. Наконец ухватился Улан за пояс Мангна-хана и перебросил исподина через себя, да так, что зарылся Мангна-хан своим перекошенным лицом в шкуру барса, распластанную перед ханским ложем.

Улан подбежал к исполину, набросил поскорей на него свой крепкий аркан, сунул пленника в огромную переметную суму, перескочил через храпевших телохранителей, пробежал неслышно мимо покоя ханши Нинмар и покинул ханскую ставку.

Сказывают: пока Улан боролся с криволобым Мангна-ханом, напали Шовшур и Шонхор на дворцовую стражу. Сбил Шовшур в кучу левое крыло стражи, сбил Шонхор в кучу правое крыло стражи, начал битву. Бросился Шовшур на самого начальника стражи, вогнал в него сандаловое копьё Джангара. Хотел Шовшур поднять врага вместе с конем на копьё, но тяжёл был начальник стражи — согнулось копьё, сломалось в том месте, где древко соединяется с острием.

— Что я теперь буду делать? — крикнул Шовшур со слезами досады на глазах.

Молвил Шонхор:

— Слыхал я, что живет здесь, у реки, прославленный кузнец Дархан Кеке. Он вам поможет. А не поможет Кеке — не поможет никто! Поезжайте к нему. Я же не выпущу этих вояк до вашего возвращения.

Шовшур помчался на Аранзале, достиг реки, увидел дым над кузней. Спрятал он обломки своего копьё в прибрежном песке, привязал к дереву, что стояло против кузни, Аранзала, а сам пробрался в кузню.

Жаркая работа шла в кузне Дархана Кеке, — в сутки сменялось там несколько раз по сто работников. Нельзя было входить в кузню без спросу — наказывали таких смельчаков.

Мальчик вбежал в кузню без спросу. Поднялся один из кузнецов, державший в руках самый тяжелый молот, и крикнул:

— Кто позволил тебе в кузню мою входить? Отсеку тебе сейчас голову!

— Дядюшка, неповинна моя голова: впервые узнаю о ваших порядках, — отвечал Шовшур.

Старший кузнец опустил тяжелый молот, обвел кузню красноватыми глазами, велел уступить мальчику место у мехов.

Шовшур сел у мехов и легко раздул пламя. Тридцать человек едва справлялись с этим делом!

Изумились горновщики, а старший кузнец — это был сам Дархан Кеке — сказал:

— Принеси-ка мне обломки сандалового копья, которые ты спрятал в реке, не то унесут их девушки — озорной народ!

Шовшур принес обломки сандалового копья. Посмотрел на них Дархан Кеке и молвил:

— Это копьё сделал я по заказу Джангара семь лет назад. Когда надевал я на копьё двенадцатислойный кожух, проник внутрь воздух. Знал я наперед: через семь лет отломится древно от острия именно в том месте, куда проник воздух. Узнал я в рыжем коне, стоящем против моей кузни, рыжего Аранзала, узнаю в тебе сына Джангара. Исправлю тебе копьё!

Кузнецы принялись за работу — починили копьё. Поблагодарил Шовшур Дархана Кеке и помчался к ханской ставке. Напал он на левое крыло стражи и уничтожил его. А Шонхор уничтожил правое крыло стражи.

В это время выбежал Улан, держа в руке переметную суму с задыхающимся в ней ханом. Вскочил Улан с легкостью искры на золотисто-солового коня Шарга, и помчались победители на восток, к своей милой Бумбе.

КАК МАЛЬЧИКИ ВОЗВРАТИЛИСЬ НА РОДИНУ

Через три дня слышали всадники отрывистый топот степного скакуна. Это догонял их вислоухий Самба́, первый стрелок свирепого Мангна-хана. Не глядя, попадал он в парящего орла; не целясь, попадал он в ласточку. Сам он был одет с головы до пят в железо, непробиваемое стрелою, непроницаемое для копья.

«Беда! — подумал Шовшур. — Пропали наши головы!»

Вдруг заметил он издали, что Самба из-за жестокой полдневой жары отстегнул на горле две застёжки своего панциря.

Шовшур прицелился в заблестевшую на солнце желтую по-

лоску богатырской кожи. Прянула стрела, взвизгнула, полетела, со свистом вонзилась в горло вислоухого Самбы, и пал первый стрелок Мангна-хана.

Мальчики приказали своим коням:

— Опередите степной ветер на две сажени, опередите человеческую мысль на сажень!

Конь послушался всадников — помчались так быстро, будто пугались комков земли, разбрасываемых по дороге, и через сорок девять дней остановились у дворца богатыря Джангара.

Народ высыпал из всех кибиток, приветствуя победителей.

А мальчики поставили своих коней на приколе, раскрыли переметную суму, развязали Мангна-хана, приказали ему войти во дворец и сами пошли за ним.

Увидев Мангна-хана, воины левого полукруга предложили ему место на своей стороне, воины правого полукруга хотели его усадить на своей стороне, но Мангна-хан пошел не останавливаясь и занял место рядом с богатырем Джангаром.

Джангар поднялся навстречу мальчикам, сказал им:

— Спасли вы народ Бумбы от унижения, спасли вы знамя Бумбы от позора!

Поцеловал их повелитель богатырей, усадил на почетных местах, рядом с собой.

Подбежал Гюзан Гюмбе к Улану, подбежал Алтан Цеджи к Шонхору — чуть не задушили они детей в своих объятиях!

А Савар Тяжелорукий встал с места, подошел к Мангна-хану и ударил его ладонью по щеке.

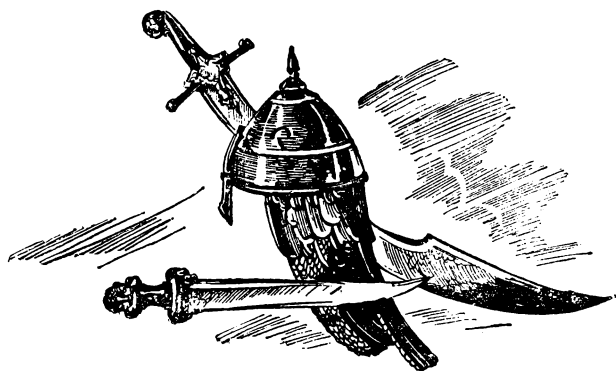
Сам собою появился на щеке Мангна-хана цветок лотоса — герб великой Бумбы, появился в знак того, что отныне Мангна-хан и вся его страна становятся подданными Бумбы на один год и тысячу лет.

Сказал Мангна-хан:

— Во времена хана Узюнга, отца богатыря Джангара, слабой была страна Бумба. Думал я, что и теперь она слаба. Но вижу: многое здесь переменялось. Перекочую с моим народом в Бумбу, хочу жить под рукой Джангара, под защитой его богатырей!

Проводили с почестями криволо́бого Мангна-хана и устроили пир в честь победителей, в честь трехгодовалых мальчиков. Все население необъятной Бумбы угощалось на этом пиру.

И в нетленном сиянье с тех пор
Желтое солнце над Бумбой горит,
И Вселенной деянья с тех пор
Высятся, как нерушимый гранит,
Тверже самых твердых пород.
И в золотом совершенстве с тех пор,
В мире, в довольстве, в блаженстве с тех пор
Зажил этот могучий народ.

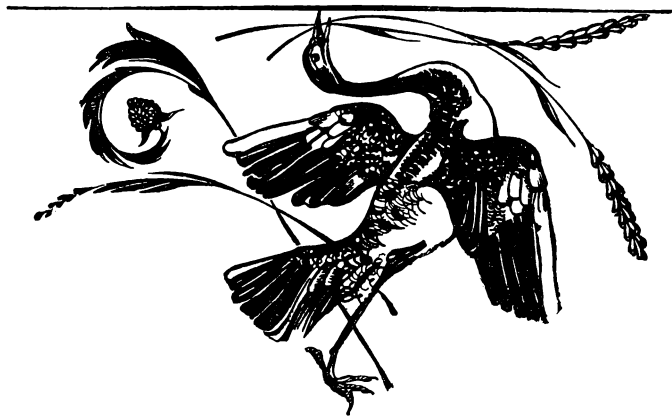
ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

•

О Т О М,
КАК ЖЕНИЛСЯ
БОГАТЫРЬ ШОВШУР,
ПРОЗВАННЫЙ
ЛОТОСОМ

•

КАК ХОНГОР ПОЕХАЛ СВАТАТЬ ШОВШУРУ КРАСАВИЦУ ЗАНДАН-ЗУЛУ, ДОЧЬ ЗАМБАЛ-ХАНА

Много ли, мало ли лет прошло с той поры, как Шовшур, прозванный Лотосом, вернулся в Бумбу победителем криволобого Мангна-хана, а наступило ему восемнадцать стважных лет. Стал он понимать силу друга и слабость врага, стал он понимать голос предков и язык живых существ. Сказал он однажды на богатырском пиру:

— Господин отец мой Джангар, госпожа мать моя Шавдал, доложу вам обоим одно слово.

— Говори, дитяtko, — сказала мать.

— Поведай, сын, — сказал отец.

— Завершились мои юные годы. При жизни отца знакомятся с людьми, а когда есть верховой конь, знакомятся с чуждыми странами. Муж рождается на ковре, а умирает в поле. Отпустите же меня в чуждые страны! — молвил Шовшур.

Отвечала Шовшuru его мать Шавдал:

— Дитя мое, сказанное тобой — истина. Но потерпи еще год: мясо твое еще не совсем мясом стало, кровь еще не загустела, кости не окрепли!

— Не хотели вы услышать мое слово таким, каким оно вышло из моих уст, — скажу его иначе. Слушайте же: пробило мне восемнадцать отважных лет, а живу я в одиночестве. Почему это так? Наградите меня ответом! — сказал Шовшур.

Крикнул тогда Джангар:

— Оседлайте рыжего Аранзала моего! Пока Хонгор, Алый Лев, молод и славен, пусть он поедет сватать моему сыну Шовшуру красавицу Зандан-Зулú, дочь славного Замбал-хана!

Но тут воскликнул ясновидец Алтан Цеджи, глава правого полукруга богатырей:

— Великий богатырь Джангар! Прежде чем вы отправите Хонгора к Замбал-хану сватать его дочь нашему Шовшуру, выслушайте мои слова. В те времена, когда я был моложе и сильней, а мой конь выносливей, а моя пестрая пика была не только пестрой, но и острой, когда еще не был я подданным вашим, проезжал я однажды мимо ставки Замбал-хана. Вспомнил я, что должен у вас родиться сын, и подумал: «Хорошо бы для сына Джангара заранее найти невесту». Оглянувшись я на миг назад и увидел в башенке Зандан-Зулу, дочь Замбал-хана, тогда еще трехгодовалое дитя. Мгновения было мне довольно, чтобы изучить эту девчонку. Вот какой я увидел ее, вот какой я нашел ее:

Поясок вышивала она:
Девяносто девять шелков
Сразу соединяла она!
Внешний вид ее был таков:
Ангела затмевала она!
Прелестноликой, лучистой была,
Но внутри нечистой была,
Обманщицею ловкой была,
Проклятой бесовкой была!

Джангар, разве она единственная на земле красавица? Разве Шовшур не молод и славен? Не надо сватать ему этой бесовки!

Джангар насупил свои подобные орлиным крыльям брови и строго молвил:

— Почему ты, Алтан Цеджи, возражаешь против того, с чем согласен я? Был ты прежде мудрым и ясновидящим, а те-

перь состарился. Пусть пролетят мимо ушей твои пустые слова!.. А ты, Хонгор, исполняй мою волю.

Оделся Хонгор в одежды войны, в доспехи боя, сел на оседланного Аранзала и, провожаемый напутственными словами всех богатырей, помчался к ханству Замбал-хана.

Через сто и четыре дня засверкала вдалеке, между солнцем заходящим и полуденным, бронзовая башня.

«Это башня Замбал-хана», — подумал Хонгор и еще раз скинул ее взором. Увидел он рядом с башней, на скате горы, черные очертания всадников и коней, приближающихся к нему. Помчался Хонгор во весь опор им навстречу, прискакал к скату горы. Перед ним оказалась дружина из пятидесяти всадников, а за ней следовал караван верблюдов, нагруженных бурдюками хмельной араки и всевозможными яствами. Спешились всадники, разостлали перед воином коврик из кошмы, покрытой шелком, поклонились четырем копытам Аранзала и сказали Хонгору:

— Мчитесь вы сто и четыре дня.

Соизвольте сойти с коня,

Яства широкой рукою принять

И пиалу с аракою поднять.

Сел Хонгор на коврик, принял угощение. Поклонились ему всадники, осведомились о здоровье и сказали:

— Наш славный хан Замбал, узнав о вашем приближении, послал нас навстречу.

Поблагодарил Хонгор всадников, сел на коня, помчался к башне Замбал-хана. Объехал он ее, как велит обычай, слева направо и спешился в тени трех сандалов. Двенадцать богатырей взяли Аранзала под уздцы, отвели его на пастбище. Двенадцать богатырей взяли Хонгора под локти, ввели его в ханскую ставку.

Замбал-хан сидел среди золота и тополей, среди воинов и слуг. Богатыри обменялись приветствиями; начался пир. В торжестве прошла одна неделя, прошла другая. На третьей неделе Хонгор молвил:

— Родовитейший хан Замбал!

В ваше славное ханство попал

В поисках верблюда я.
Не успокоюсь, покуда я
Трехгодовалого не найду!
Вот примета: на третьем году
Был у него проколот нос.
Утрату дорогую я понес.
Честь окажите, как брату, мне
И возвратите утрату мне!

Стал размышлять Замбал-хан: «С чем приехал Хонгор — с миром или с войной? Если бы его повелитель Джангар хотел войны, то не прислал бы прославленного богатыря Хонгора, а прислал бы простого вестника. Значит, приехал Хонгор с миром. Говорит, что пропал у него верблюд. Верблюдам прокалывают носы на втором году, а Хонгор ищет верблюда, которому нос прокололи с опозданием, на третьем году. Значит, один из богатырей Джангара опоздал совершить какое-нибудь дело. Какое же дело опаздывает совершить богатырь? Опоздывает он жениться! Какой же это богатырь, знатный или простой? Если бы это был простой богатырь, не поехал бы его сватать сам Хонгор. Значит, богатырь знатный. Оказал мне великую честь богатырь Джангар!»

Так подумав, Замбал-хан ответил:

— Говорят, что самая ленивая скотина та, которая не существует: никак не дождешься, чтобы она домой вернулась! Не ищите вы пропавшего верблюда, а вернитесь поскорее к себе да пошлите мне поскорее того, кого я назову своим сыном, а моя дочь — своим мужем!

Подивился Хонгор уму Замбал-хана, встал с места, распрощался с хозяином, сел на коня и пустился в обратный путь.

КАК ШОВШУР ОТПРАВИЛСЯ К СВОЕЙ НЕВЕСТЕ ЗАНДАН-ЗУЛЕ

Когда Джангар выслушал Хонгора, дал он приказ:

— Выбрав месяц, лучший из месяцев, выбрав день, лучший из дней, пошлите Шовшура, прозванного Лотосом, в ханство Замбал-хана.

Вот наступил месяц, лучший из месяцев, настал день, лучший из дней, и молвила мать Шовшура, прекрасная Шавдал:

— Едет жених в далекую землю. Оденем его с головы до ног!

Обулся Шовшур в сапоги, красные, как сырое мясо, надел рубаху цвета неувяды-травы, надел драгоценный бешмет, облачился в бсовые доспехи. Опоясался восьмидесятисажненным мечом, накинул на плечи ватную куртку, стеганную в стране богатырских дел, надвинул набекрень золотой шлем с высоким гребнем.

Стали богатыри его осматривать — не нашли плохих примет. Решили: соединяет он в себе все девяносто девять человеческих достоинств.

Осмотрели и его коня, сивого Оцол Кеке. Этого коня дал ему в дорогу Хонгор. Решили богатыри:

— Оцол Кеке в крестце собрал
Всю грозную красоту свою.
Оцол Кеке в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою.
Оцол Кеке в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою!

Посадили Шовшура на коня, проводили всей богатырской семьей, а Джангар сказал напутственное слово:

— Да засияет солнце коню твоему!
Да возвратишься в Бумбу, к огню моему!

Но провидец Алтан Цеджи молвил:

— Увидим, как этот сивый скакун Оцол Кеке останется без мозга в кости, без жира на животе, свалится посредине безлюдной, безводной пустыни, а этот молодой и славный богатырь Шовшур, прозванный Лотосом, спереди запыленный степным прахом, сзади опаленный степным солнцем, свалится в беспамятстве рядом с конем!

Пролетели слова эти мимо богатырских ушей.

Объехал Шовшур слева направо ханскую ставку и помчался в страну Замбал-хана. Мало ли, долго ли скакал богатырь, а прибыл он к высокой горе, на которой покоилось небо. Взобрался Шовшур на вершину горы, спешился, окинул долину

взором сокола, увидел огненно-красный дворец Замбал-хана, а рядом — стеклянную девичью башенку, подобную орлиному гнезду.

«Здесь живет Зандан-Зула, — решил Шовшур. — Посмотрим, какова девушка, которую сватает мне Хонгор!»

Вперил Шовшур в стеклянную башню взор кречета и увидел великой красоты девушку. Беседовала она с богатырем, у которого насчитал Шовшур семьдесят голов и семьдесят рук. Присмотрелся Шовшур к нему — узнал в нем отпрыска своего старого врага. Это был Тега Бюс, младший сын свирепого хана шулмусов Шара Гюргю. В тридцати пяти правых исполинских руках Тега Бюса и в прекрасной левой руке Зандан-Зулы лежала берцовая кость барана. Это означало, что Тега Бюс и Зандан-Зула жених и невеста. Вдруг протянула Зандан-Зула свою правую руку в сторону Шовшура, посмотрел в эту сторону и Тега Бюс и покинул башню.

Поник Шовшур молодою головой, стал прохаживаться взад и вперед, погруженный в сокровенные думы. Тогда сивый скакун Оцол Кеке сорвал в ярости железные путы и проржал:

— Почему ты задумался, почему загрустил? Испугался Тега Бюса? Люди скажут: «В восемнадцать отважных лет выехал он из дому, чтобы стать мужем, но струсил перед одним только видом противника!» Опомнись! Разве не страшнее вечный позор? Или ты, может быть, думаешь так: «Погибну я на поле битвы — не появится в стране Бумбы сын, мне равный!» Не беспокойся: погибнешь ты на поле битвы — родится в стране Бумбе другой богатырь, тебе равный!

Шовшур отвечал мудрому коню:

— Драгоценный мой Оцол Кеке! Не потому я задумался, не потому загрустил, что струсил перед видом противника. А загрустил я потому, что придется мне жить опять в одиночестве. А задумался я потому, что не послушались мы совета мудрого Алтана Цеджи: оказалась бесовкой Зандан-Зула, если дружит она с этим шулмусским отродьем Тега Бюсом!

Вдруг поднялась пыль до самого неба. То был не вихрь, не смерч, не снег — то скакал вороной богатырский конь. Вышел на нем семидесятиголовый, семидесятирукий Тега Бюс. Подъехал шулмус к Шовшуру, и огласилась Вселенная

громом его голоса, выходящего сразу из семидесяти глоток.
Так спросил Тега Бюс:

— Эй ты, без роду, без племени, без языка,
С огненными глазами тупого быка,
Ветром носимый подобно свистун-стреле¹,
Изгнанный всеми владыками навсегда,
Нищий бродяга, отверженец на земле,
Эй, говори, откуда бредешь и куда?

Отвечал Шовшур дерзкому шулмусу:

— Джангар—мой властелин, предводитель дружин,
Ханство мое — одна из алтайских вершин.
Сила моя — несметный великий народ:
Он забывает в сраженьях слово «назад»
И повторяет в сраженьях слово «вперед!».
Бумба — моя отчизна, где каждый богат,
Все родовиты, нет бедняков и сирот.
Этой страной враг никогда не владел:
Стал я броней всех человеческих дел!

Тогда спросил Тега Бюс еще раз:

— Эй, простолюдин, бахвал, говорящий со мной!
Если ты — пуп небес и тверди земной,
Если твой меч купался в шулмусской крови,
Чей же ты сын? Имя отца назови!

Рассмеялся Шовшур:

— Знай же, что Джангар—отец мой! Я свет увидел,
Первым ребенком родившись у мудрой Шавдал.
Воином стал я, сорок побед одержав!
Кто же ты сам, отверженец всех держав?
Где твоя родина, кто над тобой властелин?

Настал черед отвечать Тега Бюсу. Так он молвил:

— Перед тобою — Гюргю свирепого сын!
Еду я, чтобы детей превратить в сирот,
Еду я, чтобы в раба превратить народ,

¹ Стрела без железного наконечника.

Еду я, чтобы нетленных жизни лишить,
Еду я, чтобы людей отчизны лишить,
Еду я, чтобы разбить богатырскую рать,
Еду я, чтобы Шовшура в полон забрать!

Тут начался богатырский бой. Чтобы взглянуть на него, пришли дикие звери из неведомых пустынь, слетелись пестрые птицы из неведомых лесов, приплыли чудовищные рыбы из неведомых морей. Даже бездушные камни катились обвалом с высоких гор, чтобы не пропустить такой битвы!

КАК ШОВШУР ПОБЕДИЛ ТЕГЯ БЮСА

Наскочил Шовшур на Тегя Бюса, размахнулся и ударил врага своим восьмидесятисаженным мечом. От удара меча посыпались во все стороны искры, но шулмус остался невредимым. Размахнулся Тегя Бюс, ударил Шовшура мечом; посыпались искры, но Шовшур остался невредимым.

Решили они рассечь друг друга надвое.

Вот рассекает один другого от макушки до пояса пополам, но стоит им отнять мечи — обе части срастаются опять, как будто это вода рассекается и соединяется снова.

Бросили мечи, взяли в руки сандаловые копья. Вонзает Тегя Бюс в Шовшура острие копья и, упираясь древком о землю, хочет поднять Шовшура на копье. Не гнется древко богатырского копья, но силы не хватает у Тегя Бюса, чтобы Шовшура поднять, и вырывает он острие назад. Тогда вонзает Шовшур острие копья в Тегя Бюса. Хватает у него силы, чтобы поднять противника, но ломается древко богатырского копья!

Бросили копья, стали натягивать ясеновые луки. Говорит Шовшур противнику:

— Обнажи свою грудь величиною с белую щуку, выставь серое сердце величиною с воробья!

Послушно обнажает свою грудь Тегя Бюс. Целится Шовшур с утра до полудня, выпускает стрелу. Заклубился дым, вспыхнуло пламя, и раздался такой стук, будто стрела ударилась о каменную скалу. Полетели на Шовшура осколки, подобные граду, а Тегя Бюс остался невредимым.

— Моя очередь стрелять пришла? — спрашивает Тегя Бюс.

— Да, твоя, — отвечает Шовшур и обнажает свою белую грудь, выставляет свое серое сердце.

Прицелился Тега Бюс, выпустил стрелу, посыпались на него осколки, а Шовшур остался невредимым.

Сказал Шовшур:

— Так мы никогда не кончим боя. Сойдем лучше с коней, не будем травоядных товарищей мучить, а испытаем силу мужских плеч и лопаток, которые достались нам от матерей и отцов.

Противники спешили, поставили своих коней на приколе. Засучили штаны из бычьих кож повыше своих колен, засучили штаны из конских шкур повыше своих голеней, вступили в рукопашную битву. Бились они до того, что море превратилось в пустыню, а сухая пустыня стала глубоким морем. Бились они до того, что густые леса и рощи превратились в мелкие щепки, а не могли противники одолеть друг друга!

Крикнул тогда скакун Оцол Кеке:

— Ты же Шовшур, прозванный Лотосом! Ты же богатырь Бумбы, сын Джангара! Если ты будешь побежден, я не дам себя врагу на растерзание, помчусь в Бумбу, и богатыри скажут: «Посмотрите, конь жениха, поехавшего к своей невесте, прискакал назад с пустым седлом». Ужели твое лицо — ступня, не знающая срама, ужели ты снесешь такой позор? А ну-ка, ухватись за красный пояс, а ну-ка, нажми на позвоночный хребет врага стальным локтем!

Забилось сердце Шовшура в грудной клетке, будто лев заметался в лесной чаще. Ухватился он за красный пояс, нажал стальным локтем на позвоночный хребет врага, поднял Тега Бюса, перебросил через себя на гранитную скалу, да так, что отпечаток туловища Тега Бюса остался на граните скалы, а сам он скатился с нее и ушел в землю на семь локтей глубиной.

Подбежал Шовшур к нему и сказал:

— У врага, побежденного в бою, спрашивают последнее желание. Говори: чего желаешь?

— Желаю вырвать жизнь у тебя, а не могу! Делай со мной что хочешь! — отвечал Тега Бюс.

Отсек Шовшур своим восьмидесятисаженным мечом семьдесят голов Тега Бюса, отпустил его коня на волю, сел на своего Оцола Кеке и помчался к стеклянной башне Зандан-Зулы.

КАК БОГАТЫРЬ ШОВШУР БЫЛ ПРОКЛЯТ ЗАНДАН-ЗУЛОЙ И СПАСЕН БЕЛОЙ ЛЕБЕДЬЮ

Поставив коня на приколе, Шовшур вступил в девичью башню. Подошел он к пышному ложу, дернул полог, уселся на золотом стуле, снял запыленный свой шлем, положил его на постель и сказал:

— Зандан-Зула! Победил я твоего Тегя Бюса. Но от долгой борьбы спутались у меня волосы. Подымись и расчеши.

Поднялась ханская дочь Зандан-Зула, обернулась в старуху с медным клювом и сайгачьими ножками, всплеснула когтистыми руками, прохрипела:

— Ты с женихом разлучил меня —
Будь же ты проклят с этого дня!
Стрелы не достоин отныне ты!
Станешь добычей жадных червей,
Кости развеет твои суховей,
Сгинешь в безводной пустыне ты,
Сгинешь в бесплодной пустыне ты!

— Нет, не разлучил я тебя с милым женихом, — возразил Шовшур и отсек злобной колдунье голову.

Сел Шовшур на золотой стул и задумался: «Что же мне делать? Вернусь я назад к своим, а богатыри скажут мне: «Победил ты врага в бою — на то и дана тебе богатырская сила. Куда же девал ты Зандан-Зулу, на которой велел тебе твой отец жениться?» Не поверят мне богатыри, что Зандан-Зула оказалась колдуньей. Нет, лучше поеду я по широкой степи, навстречу неминуемой смерти. А сбудутся проклятья Зандан-Зулы — погибну от голода и жажды... Разве на родине богатырей, в стране Бумбе, не появится воин сильнее меня, не родится воин отважнее меня? Сказано ведь: «То, что случится, находится впереди». Поеду и я вперед!»

Сел Шовшур на коня, помчался по широкой степи неизвестно куда. Ехал, ехал и заблудился в безлюдной, бесплодной пустыне. Его скакун Озол Кеке исхудал до того, что не стало мозга в его костях, жира на его животе. Не находил он травинки, чтобы пожевать ее, не видел капли росы, чтобы испить ее. Вскоре свалился он у безводного, бесплодного холма.

Так пролежал Шовшур в беспамятстве четыре дня и четыре ночи.

Свалился рядом с ним и Шовшур, зыпыленный степным прахом, опаленный степным солнцем. Исполнилось предсказание Алтана Цеджи.

Так, покинутый своим умом, пролежал Шовшур в беспмятстве четыре дня и четыре ночи.

Утром пятого дня пролетала над этой пустыней белая лебедь. Вдруг она опустилась на кряж, вложила в уста чело-века и коня живительные зерна и улетела.

Ожил всадник, поднялся и Оцол Кеке. Взглянул Шовшур на коня своего и подивился: поправился драгоценный скакун, раздобрел, будто его только что привели с жирного пастбища. Сел Шовшур на коня, поехал дальше. Проехал он три месяца — и опять исхудал Оцол Кеке, опять конь и седок умирали от жажды и голода. Вдруг выросли среди пустыни зеленые луговые травы, а в траве заблестели прохладные воды чистого ручья.

Утолил Шовшур жажду водами ручья, утолил Оцол Кеке голод травами луга и жажду водами ручья и помчался дальше.

Проехал три месяца — опять исхудал Оцол Кеке. Опять не стало мозга в костях, жира на животе; опять падал от голода и жажды Шовшур.

Вдруг посреди безводной пустыни разлилось широкое море. Подъехал Шовшур к берегу моря, увидел огромного кита. Шовшур быстро спешил, бросился в воду и метнул в позвоночную кость кита свое копьё. Кит рванулся и поволок Шовшура в темную глубину моря, но Шовшур не выпустил из правой руки древка богатырского копья. Подбежал к морю Оцол Кеке, подал Шовшуру свой восьмидесятисаженный хвост. Ухватился Шовшур за хвост левой рукой. Понатужился конь, всадил свои передние ноги в землю по самый пах и вытащил на берег Шовшура вместе с огромным китом.

Изжарил Шовшур кита—насытились конь и седок китовым мясом; помчался Оцол Кеке дальше. Проехал три месяца — достиг вершины горы. Взобрался Шовшур на вершину, окинул оком кречета четыре конца земли, увидел под полуденным солнцем прекрасную бронзовую башню. Дал Шовшур отстояться своему уму.

«Эта башня шире на целый аршин и выше на один палец дворца богатыря Джангара. Живет в ней, наверное, властелин

этой земли. Ежели прибуду я в его ханство в богатырском виде, ежели узнают, что я Шовшур, прозванный Лотосом, опора страны Бумбы, — несдобровать мне!»

Так подумав, решил Шовшур затеять хитрое дело, ибо обладал он властью над необычайными превращениями, властью, которую вырвал он из рук свирепого шулмусского хана Шара Гюргю. Превратил Шовшур своего коня в двухгодовалого жеребенка, тощего и грязного, а сам преобразился в бесприютного мальчика, такого вшивого, что, почеси ему челку — станут вши десятками падать, почеси ему висок — станут вши падать пятерками.

Сел бесприютный мальчик на своего жеребенка, поехал по степи. В той кибитке, где ему давали побольше, он ночевал; а дневал там, где давали поменьше. Так он достиг сахара: это селение бедняков, расположенное вокруг ханской башни. Не успел он въехать в сахар, как свалился с ног тощий жеребенок около кучи кизяка и лег посреди пути. Рядом улегся и бесприютный мальчик. Оба крепко заснули.

КАК ШОВШУР СТАЛ ПРИЕМЫШЕМ СТАРИКА И СТАРУХИ

Вскоре пришел за кизяком, чтобы разогреть очаг, седой старик. Вел он куцега красного вола, запряженного в арбу. Увидев грязного, тощего жеребенка и вшивого, шелудивого мальчика и не выдержав смрада, исходившего от обоих, старик повернул вола назад и отправился домой.

Входит он в свою жалкую лачугу, а старуха, жена его, спрашивает:

— Старик, где же кизяк?

Отвечает старик:

— У кизяка валяются тощий, грязный жеребенок и вшивый, шелудивый мальчик. Такой исходит от обоих смрад, что не выдержал я, повернул вола, так и не набрав кизяку.

— Как это за столько лет не иссякла твоя глупость! — вскричала старуха. — У нас нет детей — почему же ты не взял в дом этого мальчика? Сейчас же приведи его сюда!

Старик вернулся к мальчику, окликнул его, подал ему

бадью с водой. Собрал мальчик последние силы, привстал и, лежа на боку, выпил залпом полбадьи. Остальное дал своему жеребенку.

Взвалил старик бесприютного мальчика на жеребенка, вернулся вместе с ним к себе в лачугу. Старуха заключила мальчика в свои объятия, а потом смыла с него всю грязь. Привел старик его жеребенка к берегу озера, отпустил пастись на зеленой траве.

И вот бесприютный, вшивый мальчик стал таким чистым, таким славным и милым, что старики не чаяли в нем души.

Мало ли, много ли минуло времени — стоит однажды приемыш на пороге своей лачуги и вдруг видит трех мальчиков, играющих в бабки. Это была родовитая знать: ханский сын и дети ханских вельмож. Крикнул один из играющих:

— Смотрите, этот бедный мальчик собирается с нами играть в бабки!

Ханский сын ответил:

— Если мужчина хочет принять участие в игре, то ему не отказывают в этом. Пусть играет с нами.

Когда приемыш подошел к ним, сын одного из вельмож спросил:

— Мальчик, ты пришел играть с нами в бабки?

— Если бы вы позволили, я бы сыграл,—отвечал приемыш.

— Мы ставим на каждый кон целый мешок золота. А что ты поставишь?

— Была бы на то ваша воля — я поставил бы на один кон куцега красного вола, двухгодовалого жеребенка и своих стариков — отца и мать.

— Мала или велика эта ставка, а позволим ему с нами сыграть один кон! — повелел сын хана.

Выдали мальчику три золотые бабки для метания, стали играть. Первым метал сын одного из вельмож: метнул раз — промахнулся, метнул второй раз — промахнулся, метнул в третий раз — промахнулся. Настала очередь приемыша. Прищурился он левым глазом, прицелился. Метнул раз — промахнулся, метнул второй раз — выбил две бабки, метнул в третий раз — выбил все бабки! Выиграл приемыш три мешка золота. Игра становилась горячеей.

Сыграли мальчики еще три кона — отыграли у него один мешок золота. Все же досталось ему немало! Высыпал он выигрыш в отвороты рукавов своего бешмета и пошел домой.

Поставил он дома перед постелью отца свой выигрыш. Обрадованные старики закупили скотину четырех родов и стали в счастье жить-поживать, не зная горя в своей лачуге.

Прошло некоторое время. Задал хан великое торжество в своем дворце. Вот мальчик спрашивает у отца:

— Отец, отчего собралось так много людей, что кажется, будто вырос густой камыш вокруг ханского дворца? По какому случаю задал хан такое торжество?

— Э, сынок, твой вопрос не простой, — отвечал старик. — Надо тебе знать, что наш хан Бадмин-Улан — повелитель одной четвертой части мира. Его дочь, прекрасная Герензал, просватана за богатыря Цагана, сына Ман-хана. Так сказал богатырь Цаган: «Выйдет она за меня или нет, а я все равно возьму Герензал в жены!» А девушка пока не говорит, выйдет она за него или нет. Вот и жалуется сюда от поры до поры богатырь Цаган со своей тысячей воинов и устраивает торжества.

Услышав это, выбежал мальчик на двор и посмотрел на стеклянную девичью башню. Увидел он Герензал, и показалась она ему вторым солнцем. Застыл он как вкопанный, озаренный ее сиянием. Вдруг из стеклянной башни вышла белоликая девушка, служанка ханши. Ее бешмет, по красоте подобный неувядающей траве, развевался на ходу. Видит мальчик — девушка направляется прямо к нему. Он свернул в сторону — она за ним. Он прибавил шагу — прибавила и она. Догнала его наконец, улыбнулась и обратилась к нему с приветом, благоуханным, как лотос.

— Мир повелителю моему, да пребудет он в желанном покое! — так приветствовала она бедного приемыша.

— Послушайте, важная госпожа! — вскричал мальчик. — Если вы собираетесь шутить, то шутите с кем-нибудь из придворных, раздобревших в ханском дворце, а со мной шутки плохие, издеваться над собой не позволю!

Еще веселей улыбнулась девушка:

— Известно мне, кто вы такой. Вы Шовшур, прозванный

Лотосом, славный богатырь страны Бумбы, сын великого богатыря Джангара. Дочь нашего хана велела мне справиться о вашем здоровье. Больше ничего не скажу вам.

С этими словами девушка удалилась. Дал мальчик отстояться уму своему и пошел на берег озера навестить своего жеребенка. Обнял он его за шею, рассказал о встрече с девушкой.

— Как мне теперь себя вести? — спросил он Оцол Кеке.

Ответил мудрый Оцол Кеке:

— Говорят, что сайгак, отставший от своего стада, становится пугливым и растерянным. Не теряйся, мой Шовшур, на чужой стороне! Не то еще услышишь, не то еще увидишь!

КАК ШОВШУР ВСТРЕТИЛСЯ С ГЕРЕНЗАЛ

На другой день, когда мальчик опять собрался навестить жеребенка, остановила его на пути белоликая служанка ханши.

— Господин, повелитель мой! Дочь хана просит вас, уложив родителей спать, пожаловать в ее стеклянную башню, — сказала девушка и удалилась.

В пору, когда люди уходят на ночной покой, уложил приемыш родителей спать, накинул на плечи ватную куртку и направился в стеклянную башню. Войдя, увидел он ханскую дочь Герензал. Такой исходил от нее свет, что сразу же Шовшур был ослеплен. Так она была прекрасна, что сразу же исхудал Шовшур от любви к ней. Ее одежды сверкали золотом и жемчугом, но красивее всего были ее ярко-красные сапожки. Сказывали, за пошивку одних задков было заплачено сто золотых монет, а за пошивку сафьяновых каблучков было заплачено семьдесят золотых монет. А чтобы взглянуть на них самих, нужно было заплатить десять тысяч монет!

Герензал поднялась, подошла к приемышу, усадила его перед своим ложем, повелела подать ему трубку и сказала:

— Когда вам исполнилось восемнадцать отважных лет, поспешили вы посвататься к Зандан-Зуле, дочери Замбал-хана. Поездка к ней оказалась несчастной. Прокляла вас бесовка Зандан-Зула, и проклятья ее сбылись.

Вы свалились в пустынной глуши,
Где людской не бывало души,
Умирали от жажды вы...
Увидали однажды вы:
Белая лебедь чертит круг...
Повелитель мой! Это я
Обернулась лебедью вдруг!
Вам скажу, ничего не тая:
Я хотела вас сохранить,
Жизни вам протянула нить...
Избавились от гибели вы —
Опять в пустыню прибыли вы.
Увидали вы наяву
Целомудренную траву —
Это были косы мои.
Прискакали потом к ручью,
Утолили жажду свою —
Это были слезы мои.
Увидали кита потом —
Это сделалась я китом!

Так, богатырь, спасла я вас от смертельной жажды, спасла от голодной смерти, ибо давно сказали мне ясновидцы наши, что вы мой жених, предназначенный мне судьбою, а не Цаган, сын Ман-хана, обрученный со мной против моей воли.

— Отчего же, если вам было известно, что я живу в народе вашем, вы не позвали меня раньше? — спросил ее мальчик.

— А почему же вы до сих пор в мальчишеском виде? Примите свой истинный облик! — сказала Герензал.

Принял Шовшур свой истинный богатырский облик. Устроила ханская дочь со своими девушками пир в честь знатного гостя. На рассвете Шовшур опять превратился в мальчика и пошел в свою лачугу досыпать.

Прошло некоторое время. На закате летнего дня, когда мальчик, проведая своего жеребенка, возвращался домой, остановила его знакомая девушка и сказала:

— Господин, повелитель мой! Прибыл жених Герензал, богатырь Цаган, и тысяча воинов его. Просит вас госпожа спеть для гостей песнь Бумбы, песнь гордую, хвалебную и звонкую.

Вечером уложил мальчик отца и мать на покой, накинул на плечи ватную куртку, отправился в девичью башню.

В девичьей башне пировали гости. Не заметили они, как вошел мальчик-певец и неслышно уселся на краешек стула. Вскоре заскучали гости, захотели песню послушать. Принялись девушки Герензал и воины Цагана искать юного певца. Наконец нашли его и вытащили на середину. Сел Цаган и воины его справа, села Герензал со своими девушками слева, и мальчик запел священную песнь своей родины:

— Обетованная эта страна,
Сорокаханная эта страна,
Смерть никогда не вступала туда!
Люди не знали там никогда
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать...

Когда же мальчик-певец дошел до слов:

«Слева сидит Шовшур — исполин,
Хана Джангара единственный сын.
Трех ему не исполнилось лет,
Силой своей удивил он свет...» —

тогда не выдержал певец, вышел из себя, закричал:

— Эх, и могучее племя они,
В наше бы жили время они! —

и, разгоряченный, встал с места, и вместе с ним поднялась на воздух вся башня. Оказалось, что Герензал, желая показать гостям, какова сила этого маленького мальчика, заранее вбила незаметно для Шовшура в полы его бешмета два железных кола. Знала она: когда начнет певец петь о стране Бумбе, разгорячится он, поднимется и потащит за собой всю башню!

Звонкоголосый певец пел до самого рассвета. На рассвете гости наградили его тысячей желтоголовых овец. Пригнал мальчуган родителям тысячу овец и зажили в довольстве старики, не зная горя, в своей лачуге. На другой день, когда возвращался мальчик домой, проведая своего жеребенка, остановила его знакомая девушка и сказала:

— Ханская дочь и ее жених затеяли для гостей состязание

борцов. Просит вас госпожа выступить борцом ее стороны и победить противника.

Прибежал мальчик вечером в башню Герензал. Тысяча девушек натянули занавес цвета весенней травы и раздели до пояса борца своей стороны — маленького приемыша. Тысяча воинов Цагана тоже натянули занавес — был он цвета инея — и раздели до пояса борца своей стороны — могучего великана. Потом раскрыли занавесы и вывели борцов на середину.

Предстали они друг перед другом: один — могучий великан, другой — маленький мальчик, ростом с мизинец этого великана. Взглянув на мальчика, могучий великан заплакал от обиды:

— Я думал поспорить с человеком, а вывели меня на борьбу с козьявкой! Не снесу я такого позора!

— Если ты победишь, то не все ли тебе равно, кого — человека или козьявку? — сказал мальчик и схватил великана за пояс.

В одно мгновение скрутил он ему руки и ноги, перебросил через себя, да так, что рассыпались исполинские кости борца.

Изумились воины и девушки, а жених разозлился, заорал: «Экий дерзкий молокосос!» — и бросился на мальчика — хотел он отомстить за своего борца. Но Герензал встала между ними, отвела руку жениха.

Гости наградили маленького борца прекрасной белой кибиткой, навьюченной на семь одногорбых верблюдов, наградили тысячей желтоголовых овец. Мальчик пригнал овец и верблюдов на берег озера, велел своим приемным родителям перекочевать туда. Старики разбили на мягкой приозерной траве прекрасную белую кибитку, переселились в нее, а нищую лачугу отвели под кизяк.

КАК ДЖАНГАР ПРИБЫЛ СО СВОИМИ БОГАТЫРЯМИ В ХАНСТВО БАДМИН-УЛАНА

На другой день мальчик отправился, как всегда, проведать своего дорогого жеребенка. Опять Герензал позвала его и сказала так:

— Получил Цаган согласие моего отца, хана Бадмин-

Улана, на нашу свадьбу и отправился за свадебными подарками, за напитками и угощениями. Что же теперь предпримете вы, Шовшур? Ужели уступите меня ненавистному Цагану? -

Ничего не ответил мальчик ханской дочери. Простился он с ней и побежал на берег озера, к луговой траве, к своему другу-жеребенку. Прибежал он к нему и горько заплакал:

— Одолеет моя сила богатыря Цагана, сына Ман-хана, да не одолеет моя сила всех воинов этого ханства — одной четвертой части мира! Одолеет моя сила воинов этого ханства, да не одолсет она воли-желания Бадмин-Улана, отца моей Герензал! Где же мой отец Джангар, который мог бы мне помочь? Где же мои побратимы — тридцать пять славнейших богатырей Бумбы? Где же моя родина, обетованная Бумба? Далеко я от нее и сам не знаю, как я забрался сюда!

И, когда Шовшур так проливал священные слезы, тоскуя по своей родине, желанной Бумбе, показался на востоке столб красной пыли, упиравшийся в небо.

«Не обманывают ли меня мои заплаканные глаза?» — подумал Шовшур и еще раз посмотрел в сторону столба красной пыли. Не обманули Шовшура его глаза: эта пыль была поднята рыжим Аранзалом, скакуном богатыря Джангара.

Обрадовался Шовшур, хотел побежать навстречу богатырю Джангару, но мудрый конь Оцол Кеке остановил его:

— Человек, подобный тебе, не должен первый бежать к отцу, будто ждал его как спасителя, будто повторял его имя, тоскуя по нем. Пусть лучше Джангар сам разыскивает тебя, пусть он придет к тебе первым!

Шовшур поблагодарил Оцола Кеке за совет, вернулся к своим старикам и сказал:

— Я занемог, у меня лихорадка.

Мать не выдержала — зарыдала. Не выдержал и отец, старый человек, — зарыдал. Уложили мальчика в постель, укрыли его потеплее. Сел отец в ногах у мальчика, обняла мать горячую голову; впали старики в неопишное горе.

А в это время богатырь Джангар впереди славнейших богатырей прибыл в ханство Бадмин-Улана. Опаленный сзади степным солнцем, запыленный спереди степным прахом, еле

держался он в седле на своем Аранзале. Рыжий конь исхудал до того, что мозга не стало в его костях, жира не стало на его животе, и беспомощно повисли его прекрасные уши, подобные резным ручкам кувшина.

Всадник спешился у дворцовых ворот, встал, опираясь на сгибающееся копьё, и кликнул всенародный клич:

— Где же он, волк моих лесов?
Где же он, лев моих пустынь?
Где же он, стяг моих бойцов?
Где же он, щит моих святынь?
Где же юный мой исполин?
Где же мой единственный сын?
Коршуном был он смелым моим,
Ястребом был он белым моим!
Люди! Того, кто мне сообщит,
Где мой Шовшур, мой стяг, мой щит, —
Будь он мужчиной — прославлю его,
Ханом державы поставлю его!
Будь это женщина — я бы ей дал
Счастье, каким обладает Шавдал!

Семьсот тысяч людей сошлись на площади перед ханской ставкой, а ни один из них не мог помочь горю чужеземца, никто не слышал о пропавшем воине. Заплакал Джангар. Слезы, крупные, как серьги, покатались по щекам богатыря.

В это время Шовшур говорил приемному отцу:

— Растолкайте локтями народ, проберитесь к ханской ставке, подойдите к богатырю, владельцу рыжего коня, и скажите, что воин, которого он разыскивает, находится у вас в кибитке.

Старик взглянул на больного приемыша и подумал: «Не бредит ли в жару?» Но старуха поторопила мужа:

— Ступай, старик, к этому человеку. Пусть ты погибнешь, пусть затолкает тебя семисоттысячная толпа, зато исполнишь волю больного ребенка!

Бросаемый людскими волнами с одного конца на другой, добрался наконец бедный старик до чужеземца и сказал ему:

— Воин, которого ищите вы, находится в моей кибитке.

Джангар заключил в свои объятия старика, чуть не задү-

шил его, чуть сам не задохнулся от счастья! Привел его старик к своей белой кибитке, а там, приняв свой истинный облик, стоял, улыбаясь, Шовшур. Приняв свой истинный облик, стоял на приколе сивый скакун Оцол Кеке.

Бросились отец и сын, обливаясь счастливыми слезами, друг другу в объятия. Стали поочередно обнимать Шовшура славнейшие богатыри Бумбы. Среди них был и Хонгор, давший Шовшуру имя Лотос. Вселенную потряс его крик:

— Ты ль это, мальчик мой, радость моя на земле?

Ты ль это, всадник мой, солнце мое ты в седле?

Заклучил отуманенный счастьем Хонгор, Алый Лев, в объятия сына своего друга, вместе свалились они наземь. Боясь, как бы великан Хонгор не помял Шовшура, Джангар положил между ними подушку.

И кони встретились радостно: подбежал рыжий Аранзал к Оцолу Кеке, укусили кони друг друга за шеи, будто здороваясь, и долго смотрели друг на друга с умилением, соединив и спутав свои челки.

КАК ШОВШУР, ПРОЗВАННЫЙ ЛОТОСОМ, ЖЕНИЛСЯ НА ГЕРЕНЗАЛ

Семь дней пировали богатыри Бумбы. На исходе пира Джангар спросил Шовшура:

— Сын мой, есть ли в этом ханстве девушка, достойная тебя?

— Знайте, великий мой отец: есть в этом ханстве такая девушка, — отвечал Шовшур. — Это Герензал, дочь хана Бадмин-Улана, да просватана она за Цагана, сына Ман-хана.

Решили богатыри помочь Шовшуру: выдаст, не выдаст хан свою дочь — все равно поженить Шовшура на Герензал!

Сели богатыри на коней, поскакали к ханской ставке. Джангар вошел во дворец во главе своих богатырей, обратился к Бадмин-Улану с приветом, благоуханным, как степная трава, и сказал:

— Привел я вам сына своего, Шовшура, жениха для вашей Герензал.

— Вот сидит славный Ман-хан, отец богатыря Цагана,

обрученного с моей дочерью, — сказал Бадмин-Улан, указывая на воина, сидевшего справа от него.

Джангар отвечал:

— Объявим состязание сторон. Победит сторона Цагана — будет он мужем Герензал. Победит сторона Бумбы — сын мой Шовшур, прозванный Лотосом, будет мужем Герензал.

Посмотрел Бадмин-Улан на богатырей Бумбы, увидел их силу и отвагу, — пришлось ему согласиться с мудрым советом богатыря Джангара.

Сначала объявил Бадмин-Улан состязание коней. Стали рядом Оцол Кеке и Цохор, конь Цагана. Когда бежал Цохор, издавал он своими ноздрями звуки рожка — сорок печальных и сорок веселых ладов. Поскакали кони так, что поднятая ими пыль окутала Вселенную, поскакали так, что слилась зелено-ликая земля с прозрачным небом, и Оцол Кеке первым пришел к цели. Победила сторона Бумбы.

Объявил Бадмин-Улан состязание лучников. Мишенью была тоненькая паутинка, еле видимая сквозь листву многозеленого дуба. Натянул Ман-хан, отец богатыря Цагана, свой ясеневый лук и выпустил стрелу. Взвизгнула стрела, полетела, прошла со свистом листву насквозь. Взобрались дети воинов на вершину дуба — паутинка оказалась в целости.

Достал богатырь Джангара, Савар Тяжелорукий, сильнейший из людей мира, восьмидесятисаженный лук с крепкой тетивой, натянутой воинами целого племени. С одной стороны ложа для стрел прославленный резчик изобразил битву гиены с барсом, с другой — огненного быка, бегущего за оленем. Выпустил Савар Тяжелорукий стрелу, вошла она со свистом в зеленую вершину дуба, прошла ее насквозь. Побежали дети воинов за стрелой, подняли ее — оказалось, что обвита она тоненькой паутинкой. Опять победила сторона Бумбы!

Приказал Бадмин-Улан выбрать лучший из дней, объявить борьбу женихов. Настал избранный день; составили воины круг, объявили борьбу женихов. Сказал тогда богатырь Джангар:

— Есть тут у нас один старик, Менген Шикширги, отец могучего Хонгора, Алого Льва. Восемьсот с лишним лет ему от роду. Не усидит на месте он, когда дети будут бороться, —

вмешается в битву. Надо привязать его к железной арбе, чтобы удержали его пять тысяч воинов.

Привязали старика Шикширги железными цепями к железной арбе, приставили к нему пять тысяч воинов, чтобы крепко держали его.

Шовшур и Цаган схватились за пояса, начали борьбу. Боролись три дня и три ночи, и, когда показалось, что Цаган побеждает Шовшура, не выдержал Шикширги: рванулся, разорвал железные цепи, разломал надвое железную арбу, отбросил прочь пять тысяч воинов, ринулся на Цагана, схватил его, скрутил ему руки и ноги и с такой силой перебросил противника через себя, что превратил его кости в мелкий песок!

Подбежал Ман-хан к трупам сына, заплакал.

— Вы счастливец, богатырь Джангар! Пало мое горное солнце! — Так он сказал и уехал со своей тысячей воинов.

Выбрав месяц, лучший из месяцев, выбрав день, лучший из дней, созвали весь народ этого ханства, сыграли свадьбу Шовшура и Герензал. Семьдесят дней длился пир.

Спрашивает Бадмин-Улан у своей мудрой дочери Герензал:

— Что тебе, желанная, дать?

Что тебе в приданое дать?

Герензал отвечает:

— Не попрошу я камней дорогих,

Не попрошу я коней вороных, —

Просьба моя скромна и проста:

Дайте мне в дар однолеток одних —

Весь последний приплод скота.

Хан, услышав слова дочери, собрал на совет своих мудрецов. Так объяснили они эти слова:

— Если уведет за собой Герензал в Бумбу всех ягнят-однолеток, всех телят-однолеток, жеребят-однолеток, верблюжат-однолеток, побегут за своими детьми овцы, коровы, кони, верблюды. Если же все овцы, коровы, кони, верблюды побегут в Бумбу, устремится в Бумбу за своим добром весь народ. Вот каков смысл просьбы Герензал: все ханство Бадмин-Улана должно перейти в Бумбу, страну бессмертия.

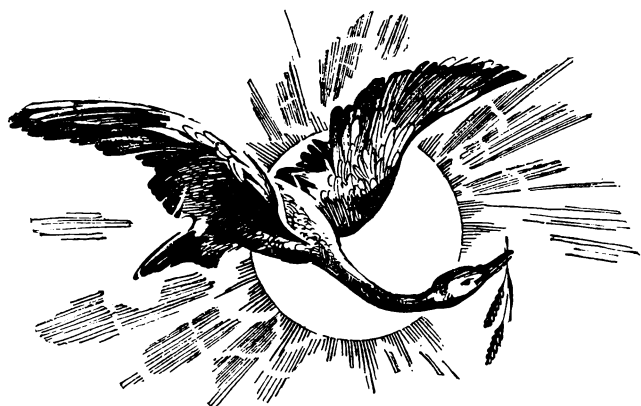
Согласился Бадмин-Улан с решением мудрецов, оповестил народ, что замыслил он перекочевать в благословенную страну Бумбу. Возликовал народ, стал готовиться к перекочевке.

Сели богатыри Бумбы на коней и повелели коням за девять суток добраться до страны Бумбы. Обернулась Герензал белой лебедью, вычертила круг над всадниками и прибыла в Бумбу, опередив их на одну треть суток.

Созвала мать Шовшура, мудрая Шавдал, все население бесконечной Бумбы на пир, все народы, все племена. Когда собрались гости, оказалось, что тесна для них необъятная ставка Джангара, и расселись они в широкозеленом лесу, натянув над собой сказочной длины золотой навес.

И поныне длится этот пир богатырей. Восседают они в щедrom изобилии, в мирной радости, в ясном веселии, за мудрой беседой.

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где не известна зима, где всегда весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласные и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где не известна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где не известна старость, где молоды все —
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Кугультинов Д.</i> Сказание о мужестве	3
<i>Повесть первая</i> о поражении свирепого хана шул- мусов Шара Гюргю	7
<i>Повесть вторая</i> о том, как мальчики, возглавляе- мые Шовшуром, прозванным Лотосом, победили кри- волобого Мангна-хана	47
<i>Повесть третья</i> о том, как женился богатырь Шов- шур, прозванный Лотосом	69

Для среднего и старшего возраста

Липкин Семен Израилевич

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГАТЫРЯ ШОВШУРА

Ответственный редактор *Р. Д. Кафризлянец*. Художественный редактор *Г. С. Вебер*.
Технический редактор *Т. В. Перцева*. Корректора *Е. С. Карташова* и *В. К. Мирингоф*.
Сдано в набор 13/XI 1959 г. Подписано к печати 6/I 1960 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ —
6,13 печ. л. (4,51 + 1 вкл. = 4,59 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 2 р. 55 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49. Заказ № 2754.

Цена 2 р. 55 к.